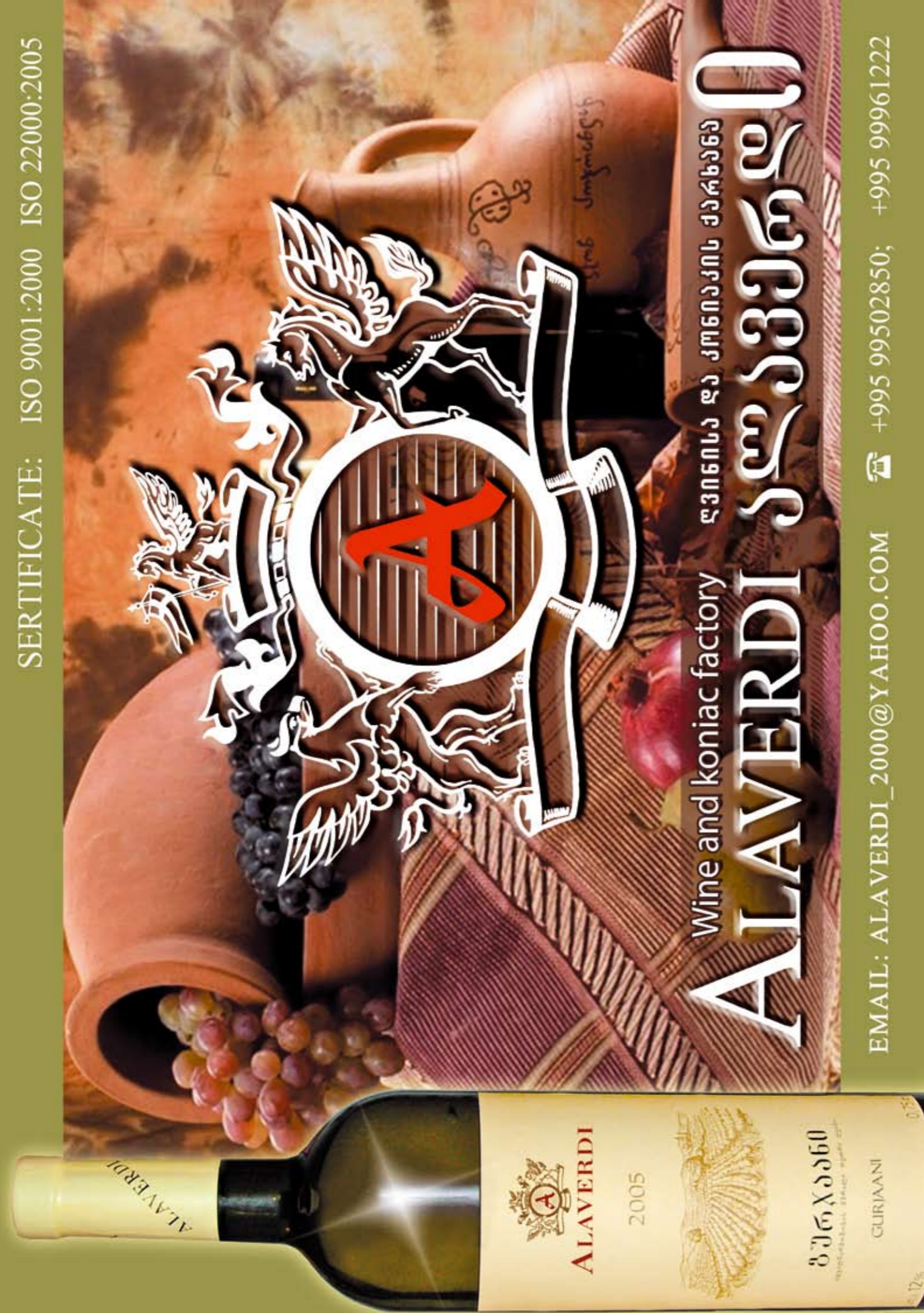

№8
Август 2009

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM +995 99502850; +995 99961222

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Арсен Еремян, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№8⁽⁴⁷⁾
Август 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗИТ	ВИДЕТЬ ЗА ГОРИЗОНТОМ	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПРИРОДА ПОЭТИЧЕСКОГО СВЕТА	6
	ШЕСТИДЕСЯТНИК ПОСЛЕДНЕГО ПРИЗЫВА	9
	ЭТА МАГИЯ СЛОВ	11
	БОЛЬШЕ СТИХОВ И ОБЩЕНИЯ	14
МАСТЕР-КЛАСС	«ПОЭТИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ»	15
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	«И ИМЯ НАМ - ЛЮБОВЬ»	18
РУССКИЙ МИР	ПОСЛЕДНИЙ ДОЗОРНЫЙ	23
ВЕРНИСАЖ	ОТТЕНКИ НОЧИ	27
О, СПОРТ!	МОЛНИЯ НА ТРЕКЕ	28
ПЕРЕВОДИМ	БЕСИК ХАРАНАУЛИ	32
НАУКА	СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ	34
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ЖИВАЯ ПАМЯТЬ	37
БАЛЕТОМАН	ГРОТЕСК – ЕГО СТИХИЯ	38
ЗНАЙ НАШИХ!	ЖИТЬ НА СЦЕНЕ	41
ИСТОРИЯ	РЕДУТ-КАЛЕ: ИМЕНА И ФАКТЫ	44
ПАЛИТРА	ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ	49
ПРОЩАНИЕ	НАША СВЕТЛАЯ НАТЕЛЛА	53

На обложке - открытие поэтического фестиваля. Июль 2009

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ВИДЕТЬ ЗА ГОРИЗОНТОМ

В июле в патриаршей рабочей резиденции в Чистом переулке состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с официальной делегацией Грузинской православной церкви, которую возглавлял председатель иностранного отдела Грузинской патриархии митрополит Зугдидский и Цаишский Герасим (Шарашенидзе). В делегацию вошли архимандрит Давид (Чинчараули), протоиерей Георгий Харазашвили, главный редактор «Грузинской энциклопедии» и экс-посол Грузии в РФ Зураб Абашидзе. Со стороны Русской православной церкви на встрече присутствовали: архиепископ Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных

Зураб Абашидзе

связей Московской Патриархии; протоиерей Николай Балашов, заместитель председателя ОВЦС МП; исполняющий обязанности секретаря ОВЦС МП по межправославным отношениям священник Игорь Якимчук; сотрудник ОВЦС МП дьякон Дионисий Казанцев.

Корреспондент журнала «Русский клуб» задала в связи с этим несколько вопросов Зурабу Ираклиевичу Абашидзе.

- Расскажите, пожалуйста, что предшествовало нынешнему визиту?

- Начнем с констатации фактов. Дело в том, что межцерковные контакты не прекращались даже в период августовской войны прошлого года. Благода-

ря этим контактам по мере возможности старались решать гуманитарные проблемы в Цхинвальском регионе. А после войны, осенью делегация Грузинской православной церкви направилась в Москву. Это представляется важным фактом, потому что визит стал практически первым контактом представителей двух стран после августовской катастрофы. Он был возможным постольку, поскольку Русская православная церковь подтвердила каноническую юрисдикцию Грузинской православной церкви, в том числе в Абхазии и Цхинвальском регионе. В принципе, это стало платформой для всего того, что потом развивалось в плане довольно тесных контактов между нашими церквями. После этого состоялся ответный визит делегации Московской патриархии. Затем Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II ездил на похороны Патриарха Московского и всея России Алексия II. На интронизацию нового патриарха Кирилла также отправилась делегация Грузинской православной церкви. Во время этих трех визитов я был участником грузинской делегации, состав которой почти не менялся.

- Вы сразу согласились принять участие в межцерковном диалоге?

- Да, понимая важность этих контактов. Во время визитов проходили встречи, обсуждались конкретные проблемы, огромные сложности, которые накопились в Абхазии и Цхинвальском регионе после августовского военного конфликта. Когда практически отсутствуют межгосударственные связи, церковь взяла на себя эту особую функцию, роль. Но я сразу оговорюсь, что возлагать слишком большой политический груз на церковь нецелесообразно. Я думаю, что это понимают и здесь, в Тбилиси, и в Москве. Так что данная поездка была продолжением этого процесса. Во время визита также состоялись встречи. В частности, это была первая рабочая встреча с новым Патриархом Московским и всея Руси Кириллом после его интронизации, поэтому она имела особое значение. Следует отметить, что глав двух православных церквей Грузии и России связывают теплые личные отношения. Патриарх подтвердил свою готовность продолжить диалог с Грузинской православной церковью с учетом векового опыта, вековых традиций в таком русле, чтобы эти связи не стали заложниками или жертвой политической конъюнктуры. Со своей стороны митрополит Герасим, отметив особое значение сотрудничества двух церквей, подчеркнул, что народ Грузии никогда не смирится с нарушением территориальной целостности страны.

В целом встреча прошла конструктивно и в деловой обстановке. Состоялся предметный разговор о межцерковных проблемах и перспективах сотрудничества. Были затронуты проблемы, связанные с Абхазией и Цхинвальским регионом. После встречи с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом состоялась встреча с Председателем отдела внешних церковных связей Московской патриархии архиепископом Волоколамским Иларионом. А под конец визита встретился с заместителем министра иностранных дел Григорием Карасиным. В МИДе обсуждались те же вопросы, что и в Московской патриархии, но в плане того, что могут сделать государственные структуры. Рассматривался вопрос возможного открытия границы и контрольно-пропускного пункта Казбеги – Вер-

ный Ларс, некоторые вопросы, связанные с этим. Наверное, в конце июля паломники из Грузии посетят Нижний Новгород – монастырь преподобного Серафима Саровского в Дивеево. На осень запланирован ответный визит делегации Московской патриархии. В паузах между этими визитами поддерживается прямая межцерковная связь.

- О чем все-таки удалось договориться в ходе визита?

- Наша делегация считает, что визит был полезным. Есть конкретные договоренности, конечно, в контексте межцерковных связей.

- Известно, что в ходе визита обсуждался вопрос возвращения в Ахалгори и Абхазию изгнанных оттуда служителей церкви.

- Это не тот вопрос, который должен решаться Московской патриархией. Но эта тема волнует обе церкви. В частности, с нарушением всех норм, в предельно грубой форме были изгнаны священнослужители из Кодорского ущелья, Ахалгори. Этому оправдания нет. Как решать все эти вопросы, пока ответов нет, как и конкретных решений. Московская патриархия может в чем-то содействовать, но ситуация в этих регионах очень сложная. В целом мы нашли понимание по многим проблемам.

- Сложно было вести диалог в такой неблагоприятной, сложной политической ситуации?

- Безусловно. Прерваны дипломатические отношения и не видно перспектив их восстановления. По ряду направлений появляются новые тревожные проблемы. Когда нам говорят, что дипломатические отношения были прерваны по инициативе грузинской стороны, мы в свою очередь напоминаем о том, что именно побудило нас пойти на это. Я высказывал некоторые свои соображения по поводу того, что нужно было бы сделать российской стороне, чтобы наметился позитивный сдвиг. В первую очередь имеется в виду выполнение обязательств в соответствии с известным соглашением Медведева-Саркози. Если бы Москва пошла на это, последовали бы позитивные сдвиги. Но пока всего этого не видно. Однако открыть границу для того, чтобы грузы передвигались, есть проявление элементарного прагматизма. И Армения в этом заинтересована. Я думаю, в конце концов нам придется разговаривать. К этому приведут суровые реалии. Есть темы, которые представляют интерес и являются важными и для России, и для стран региона. В частности, терроризм. Мы видим, что наши российские соседи в высшей степени озабочены ситуацией на Северном Кавказе, ростом насилия в регионе, что, безусловно, отчасти спровоцировано признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. К сожалению, оправдываются предостережения тех, кто говорил в свое время, что, открыв бутылку, выпустили из нее джинна. Теперь очень сложно будет остановить разрушительный механизм.

- Как все-таки удалось сохранить межцерковный диалог?

- Как я уже отметил, благодаря здоровой позиции Русской православной церкви, которая признает каноническую юрисдикцию Грузинской православной церкви, в том числе в Абхазии и Южной Осетии. В данном случае позиция церкви отличается от позиции официальной Москвы. Это вопрос принципиальный.

- Межцерковный диалог продолжается, а вот культурный диалог почти сошел на нет, хотя тоже не должен зависеть от политической конъюнктуры.

- Лично я не сторонник имитации сотрудничества. Такой подход некоторых российских коллег – давайте все забудем и начнем снова обмениваться театральными, балетными труппами и т.д. – и является ими-

тацией сотрудничества. Когда с главной темы вопрос переносится на второстепенную, это вызывает очень неприятный осадок. Но, конечно, существуют гуманитарные, человеческие связи, которым в сегодняшнем мире препятствовать невозможно.

- Вот и вы недавно встречались со своим другом поэтом Евгением Евтушенко.

- Меня с ним связывают давние отношения. Он еще с моим отцом дружил... В этот мой приезд в Москву Евтушенко позвонил мне и попросил найти фотографии известных грузинских футболистов, о которых он когда-то написал стихи. Фотографии ему нужны для его новой книги. Он очень переживает из-за ситуации между нашими странами. Я встречался и с другими моими московскими друзьями. Некоторые из них после известных августовских событий звонили мне и спрашивали: «Ты на меня в обиде?» Они-то при чем... Так что эти отношения не должны, конечно, пострадать. Но если говорить совсем начистоту, осадок в душе все-таки есть. Я встречался в Москве и со своими грузинскими друзьями. Они рассказывали, чем они живут, какие у них проблемы. Вместе переживаем, вместе на что-то надеемся... Те, кто смотрит на мир реалистично, понимает, что скорой развязки не будет. Надеюсь, что сложные реалии в регионе заставят делать какие-то неординарные шаги. Я имею в виду наших российских соседей. Ситуация на Северном Кавказе должна побудить людей мыслить нестандартно, принимать какие-то обдуманные, нестандартные решения. Объективно фактор стабилизации в регионе и Грузию тоже должен интересовать.

- Существует взаимное отчуждение между российской и грузинской интеллигенцией, взаимное разочарование. Как вы это прокомментируете?

- Как только в Москве начинается обсуждение этих вопросов, сразу звучат взаимные упреки, дает о себе знать непонимание, ведь разница во взглядах остается существенной. Отчуждение связано и с временным фактором. Мы с вами помним, видим, знаем, а для молодежи все это чуждо. Для нашей молодежи Россия – это нечто далекое и связанное в основном с отрицательными эмоциями. По-моему, то же самое и в России. Увы, за последние двадцать лет преобладали именно отрицательные эмоции! Так что граница пролегла и между поколениями. К сожалению, я в этом плане не разделяю наигранного оптимизма...

- Вот по этому поводу и приходится сокрушаться больше, чем по поводу тех политических событий, которые подорвали отношения! Подрыв более фундаментальный связан именно с этим моментом – отчуждением поколений.

- Мы с вами еще не полностью осознаем всю глубину той трагедии, которая произошла. Чем больше проходит времени, тем больше мы понимаем масштабы этой трагедии в нашей истории. Пролилась кровь, была война. На Кавказе этого забыть невозможно! Здесь мы помним как сегодняшний день даже то, что было в XIX веке... А эта трагедия пройдет через поколения. Но опять-таки, мы живем в мире прагматизма. Когда-то придется отложить эмоции в сторону и задуматься о поиске каких-то прагматических решений. Для этого не обязательно дружить домами или вместе читать Есенина, как бы это глупо ни звучало. Мы должны научиться видеть за горизонтом. Мы живем в эпоху, когда время более спрессовано, чем в XIX и даже XX веке. Мы не знаем, что будет лет через десять - двадцать. «Если бы тридцать лет назад нам сказали, что Россия и Германия станут самыми близкими союзниками, никто бы в это не поверил», - сказал мне мой российский коллега. А я уточнил: «Объединенная Германия». И это очень важная деталь.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Ленинград, Петроград, Петербург, Питер... Как бы ни называли город на суровой, вольной Неве, он завладевает твоим сердцем раз и навсегда. Город «... привольности какой-то образцовой» - «холодная отчизна» Наталии Соколовской. Но «мир многооконный» охватил и юг, что «оказался жарким, верченым, стесненным и свободным разом...» Петербурженка, она неразрывно связана с Грузией, и не только тем, что переводила грузинских поэтов – Тициана Табидзе, братьев Отара и Тамаза Чиладзе, Реваза Маргиани, Джансуга Чарквиани и многих других. Но не будем забегать вперед.

В Москве, в Литературном институте

письма» (1988).

Из посвящения Ните Табидзе:
На севере ветрено ...

Здесь же
жара серебрится, как ртуть ...

Дом Тициана Табидзе – живой свидетель русско-грузинской литературной дружбы. В нем волшебным звучат прекрасные имена двух братьев по перу: Борис и Тициан, Тициан и Борис... Когда на пороге гостеприимного дома появилась Наталия Соколовская, Нита Табидзе встретила ее словами: «Как хорошо, что ты такая, не худая и не бледная. Потому что эти несчастные поэты – все приезжают такие худые и бледные, а

ты – румяная!» В этих святых стенах Наташа провела три года.

А потом, в начале 90-х, она вместе с сыном Никой застала войну.

Из дневника:
9 января 1992

... Самое горькое впечатление произвели на меня руины зданий, вид обстрелянного Кашвети. Он стоял совершенно незащищенный, открытый всем пулям и снарядам.

Это было все равно что стрелять по ребенку. Так он и стоит теперь, весь в оспинах-выбоинах от пуль. Светлый на фоне светлого неба...

И еще:

19 января 1992

... Господи, я думала, что у меня отняли Грузию. Грузию, где родился мой сын, где похоронен мой муж. Грузию, которую я люблю безотчетно, так, как любят родину... Я думала, что у меня уже не будет всего этого...

Это горечь и страх поэта потерять ... себя, свою историю, свое прошлое ...

Как-то Корней Чуковский заметил, что перевод – это автопортрет переводчика.

Наедине с оригиналом, один на один с философией знакомого или незнакомого автора, с его микрокосмосом. Как не нарушить структуру, не поколебать поэтическую гармонию. Как не раствориться в переводе, и уходя в тень, не потерять себя-поэта... Вот задачи, которые стоят перед перевоплотителем оригинала.

В переводах Соколовской, что особо ласкает слух, сохранена мелодика грузинского стиха.

Прочитав фрагменты из статьи Владимира Леоновича, еще одного замечательного поэта и переводчика грузинской поэзии, о третьей книге стихов и переводов Соколовской «Ангелы навсегда» (книга вышла уже в Санкт-Петербурге в 2003 году):

«Наталия Соколовская приучает, приручает читателя к своей поэтике – и

приручается к ней сама. Штука капризная, русская и грузинская, питерская и тбилисская, свободная и своевольная ...»

«Д у ш а – одно из самых важных и самых обиходных слов Наталии Соколовской. И тут возвышенная лексика грузинского образа мысли и мироотношения сказывается, но куда сильнее сказывается природа самой Наташи, ... в самой ее русско-грузинской судьбе».

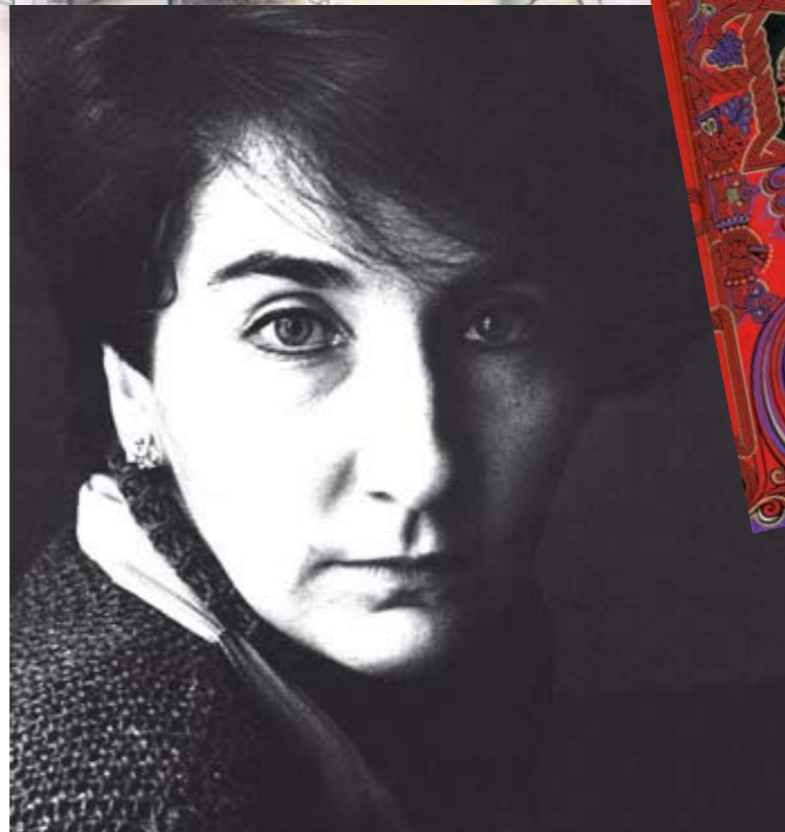
В 1992 году Соколовская возвращается в родную северную столицу. Но грузинская нить не пре-

Наталия Соколовская

Иллюстрации Л.Шенгелия к «Вепхисткаосани»

ПРИРОДА ПОЭТИЧЕСКОГО СВЕТА

В преддверии III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна» в «Новой газете» в Санкт-Петербурге была опубликована заметка «Здорово ли в крови Колхиды колыханье?» В название как нельзя кстати вынесены слова Осипа Мандельштама, поскольку фестиваль поэзии в этом году проходил в Западной Грузии. Автор статьи поэт, переводчик, прозаик Наталия Соколовская.

им.А.М.Горького – она училась на кафедре художественного перевода (семинар Льва Озерова и Анаиды Беставашвили), - и зародилась любовь к грузинской поэзии и тяга переводить именно ее. По окончании института Соколовская приехала в Тбилиси. Это был 1982 год. За ним последовали десять тбилисских лет. Она работала в Главной редакционной коллегии по переводам и литературным взаимосвязям, в издательстве «Мерани», публиковалась в журнале «Литературная Грузия», «Литературной газете», журналах «Аврора» и «Юность».

В 1983 году во вступительном слове к очередной подборке рубрики «Свидетельствует вещий знак» публицист и автор этой рубрики Гия Маргвелашвили писал: «Соколовская ... стала одной из лучших переводчиц грузинской поэзии ... Все больше и больше набирает она силу и как самобытный поэт ... Она личность, поэт и мастер ...»

Здесь вышли ее первые сборники стихов и переводов «Природа света» (1985) и «Незапечатанные

рвалась ...

В последнее время Наталия Соколовская отошла от поэзии и переводов. Как заметила она сама, музы – барышни своенравные.

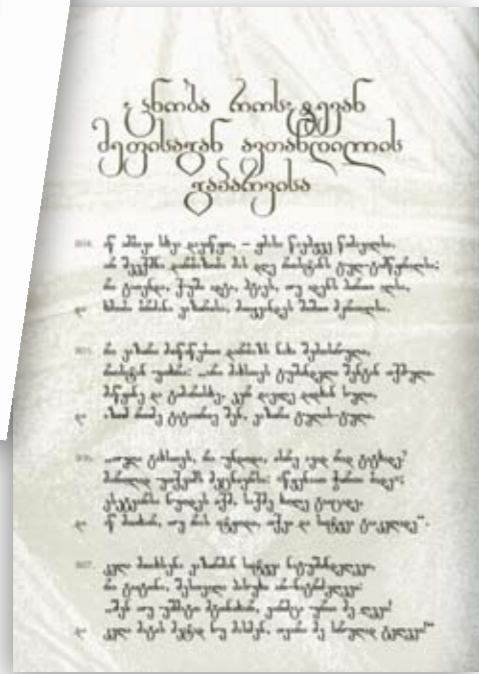
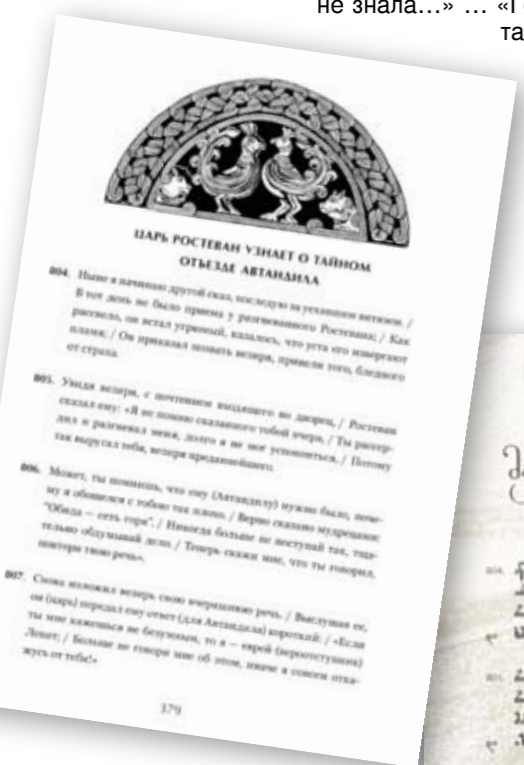
Под псевдонимом Наталья Сорбатская увидели свет ее романы «Литературная рабыня: будни и праздники», удостоенный премии им.Н.В.Гоголя, и «Вечер трудного дня».

Повесть «Дворник Люба» в начале 2009 года напечатана в журнале «Новый мир» уже под собственным именем:

«Люба ... пошарила глазами в поисках источника света, но ничего не нашла.

Тогда она подняла глаза вверх: маленькая, в двойном радужном кольце луна стояла в зените, звезды рядом с луной только угадывались, но дальше их была целая россыпь. «Да сколько же здесь всего...» – ахнула Люба, с интересом разглядывая небо над головой. Звезды были маленькие и большие, яркие и не очень, и, все до одной, они смотрели на нее. «Вот жила бы и не знала...» ... «Господи, неужели так... так... всегда?» ...

Какой это восхитительный дар от Бога видеть то, что вне повседневности, вне реальности, вне времени ... Поэты – они такие, у них это видение в крови.

Последний ее замечательнейший проект (и петербургского издательства «Вита Нова»), в котором она выступила и автором, и ответственным редактором, это билингва «Вепхисткаосани» - «Витязя в тигровой шкуре». В свое время книга Шота Руставели была чуть ли не основной составляющей приданого грузинской невесты. Возможно, где-то в горах эта традиция еще жива. Но что абсолютно точно – эта книга для многих настольная, как Библия. Так или иначе, Шота Руставели оставил в наследие потомкам вечную историю любви, дружбы, верности и победы человеческой духовности.

Издание петербуржцев - еще одно воплощение руставелевского творения. Иллюстрации Лоретты

Абашидзе-Шенгелия, вступительное слово Тамаза Чиладзе, подстрочный перевод поэмы с грузинского языка Соломона Иорданишвили (осуществлен в тридцатые годы), комментарии Нестан Сулава (перевод с грузинского Ирины Модебадзе) – вот команда, создавшая это издание с на редкость фантастической судьбой.

Представить только: столетия отделяют нас от автора и его эпохи, но когда в руках издание XXI века – великолепный двухтомник «Вепхисткаосани» – временной барьер исчезает.

В 2007 году тбилисцы прилетели в Санкт-Петербург на презентацию издания, которая прошла в Академии художеств и в СПбГУ. За нею последовали презентации в Москве в ЦДЛ и на книжной ярмарке «Non/Fiction». Осенью 2008 года питерцы должны были прилететь с ответным визитом в Тбилиси, но августовские события внесли свои коррективы. На родине Руставели презентация нового издания прошла на древней земле Колхиды в Григолету в рамках III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Во время круглого стола, проходившего под эгидой Фонда «Русский мир», билингву «Вепхисткаосани» Наталия передала в дар «Русскому клубу».

По мнению Соколовской, книга Руставели по сей день остается непрочитанной, а многое из того, что вложил в нее автор, не донесено до широкого читателя, несмотря на то, что были созданы великолепные переводы. Так «Вепхисткаосани» – совершенно потрясающая метафора, упущенная в переводах, должна была звучать так – «Барсовошкурый». Но в названии оставили классический вариант перевода. Поэма, которую считают началом «грузинского Ренессанса», насквозь пронизанная христианской культурой, еще осталась книгой закрытой для русскоязычного читателя. Потому подстрочный перевод – это попытка раскрыть новое, недосказанное.

Процесс издания был сопряжен с многочисленными сложностями. К примеру, переправить иллюстрации (в тот период почтовое сообщение было временно прервано) помог почетный профессор, немецкий бизнесмен Клаус Хилп, проводивший в этот период на кафедре станковой графики Тбилисской Академии художеств мастер-класс со студентами. Уже из Германии он переслал иллюстрации в Санкт-Петербург.

Подытоживая презентацию билингвы, Соколовская подчеркнула, что «наше культурное пространство – как эти два текста, русский и грузинский, сосуществующие на развороте, и это пока в наших руках».

Права была Нита Табидзе, Соколовскую не воспринимаешь как северного поэта. Манера чтения у нее, интонация, эмоциональность и жестикация с «южным» оттенком. Обязательный ее аксессуар – шифоновый шарф, придающий особую легкость. Ей, светлоглазой, посчастливилось увидеть редкое в природе явление – изумрудно-зеленый луч заходящего солнца, как в стихотворении «Зеленый луч» Николая Заболоцкого, «луч, подобный изумруду, золотого счастья ключ» ...

Как герои картин Марка Шагала воздухоплаватели, так и стихи Наталии Соколовской летят над городом поэтов, улицы которого помнят Паоло и Тициана, Галактиона и Гоглу и многих поэтов с севера.

И Наталия Соколовская среди них.

Алена ДЕНЯГА

ШЕСТИДЕСЯТНИК ПОСЛЕДНЕГО ПРИЗЫВА

Юрий Кобрин

страшно, сколько времени прошло, но у меня ощущение, что это было вчера. Первый стих я написал на Сахалине, где закончил вечернюю школу рабочей молодежи. В 16 лет стал учеником электрика на ТЭЦ «Сахалинэлектро». Работа была тяжелая. Однажды у меня на морозе слетела перчатка, и рука примерзла к электродвигателю, который мы должны были починить. Обожгло холодом и сталью, хлынула кровь. Примерно об этом и было мое первое стихотворение».

Потом Юрий Леонидович не печатался очень долго. Он посчитал, что следующие его стихи хуже, чем первое опубликованное. Утверждает, что легко мог стать графоманом.

«В юности я читал очень много и все подряд. Увлекался Есениным, в списках, и японской и корейской поэзией. На ТЭЦ работало много корейцев. Читал – писал. Так и пошло. Но стихи это были только по внешнему виду. Прежде чем я опубликовал второй стих в русской печати уже в Литве, я стихов 600-700 благополучно уничтожил».

За пятьдесят лет, что он живет в Вильнюсе, вышло двенадцать его оригинальных книг, в том числе в переводах на литовский и английский, а также полтора десятка переводных. Среди поэтов, с которыми, благодаря Кобрину познакомился русский читатель

Визитная карточка: Юрий Леонидович Кобрин – вице-президент Международной Федерации русскоязычных писателей, академик Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия), кавалер Рыцарского креста ордена Великого князя Литовского Гедиминаса, заслуженный деятель искусств России, кавалер ордена Дружбы.

О нем написано много. И в Литве, и в России. Кто-то называет Юрия Кобрин «русским поэтом Литвы», кто-то относит к числу классиков. Сам же Юрий Леонидович просто считает, что стихи – «естественная форма выражения мыслей».

В этом году исполнилось 50 лет с опубликования первого стихотворения Юрия Кобрин. «Подумать

– Э.Межелайтис, Ю.Марцинкявичус, Ю.Мацявичус, Ю.Некрошюс. Очень точно сказал о нем большой друг Эдуардас Межелайтис: «Стихи Кобрин разнобразны без пестроты, современны без модности и старомодны без снобизма».

Свое отношение к поэзии сам Кобрин определил давно и четко: «Что такое русская поэзия?/Это каждый день ступать по лезвию, /властвовать собой и знать безумие/айсберг расплавлять в жерле Везувия!»

Его «крестным отцом» в литературе стал один из самых больших русских поэтов XX века Арсений Тарковский. Спустя годы Юрий Леонидович посвятил своему другу и учителю проникновенное эссе «Уроки Тарковского», в котором превосходно рассказал о личности поэта и его влиянии на свое творчество.

«С Тарковскими я познакомился в 1965 году. Арсений Александрович приехал в Вильнюс с супругой, Татьяной Алексеевной Озерской - знаменитой переводчицей английской и американской литературы. В то время только вышел роман Артура Хейли «Аэропорт» в ее переводе, которым зачитывалась вся интеллигенция», - вспоминает Юрий Леонидович.

Как утверждают знатоки, главное в поэте – это рождение им мира, которого не было до него.

Мир поэзии Юрия Кобрин – это мир русской культурной традиции, мир классической формы, мир гражданина и большого романтика.

«Я уже не думаю о том, что говорят о моих стихах.

с начинающими коллегами секретами мастерства. Я спросила у Юрия Леонидовича, как нужно писать стихи. Он улыбнулся и ответил: «Неважно, как вы пишете стихи, главное – писать их честно. Потому что, в конечном итоге, мысль изреченная есть ложь, как писал Тютчев. Каждое второпях написанное слово сморщивается. И даже если на первый взгляд кажется, что оно блестит, то это не так».

Сейчас Юрий Леонидович может позволить себе не прислушиваться к критике.

«А что такое критика, и что такое общественное мнение? Вот представьте, стихотворение опубликовано. И ты, счастливый, идешь по улице. Встречает тебя первый знакомый – он стихотворение хвалит, а ты ему не веришь, потому что он в поэзии ничего не понимает. Второй знакомый ругает, но ты ему тоже не веришь, потому что он тоже ничего не понимает в поэзии. И третий знакомый ругает, но ты к нему прислушиваешься, потому что уважаешь и знаешь, что он хочет, чтобы у тебя получалось лучше. Таких людей немного. Беда вот в чем. Поэзия – это работа, профессиональный труд. Ведь мост не сможет построить, скажем, музыкант. А в литературе все разбираются. Как и в футболе. Правда, есть люди, которые чувствуют слово от природы».

Проблем с русским языком много. Как и везде на всем постсоветском пространстве.

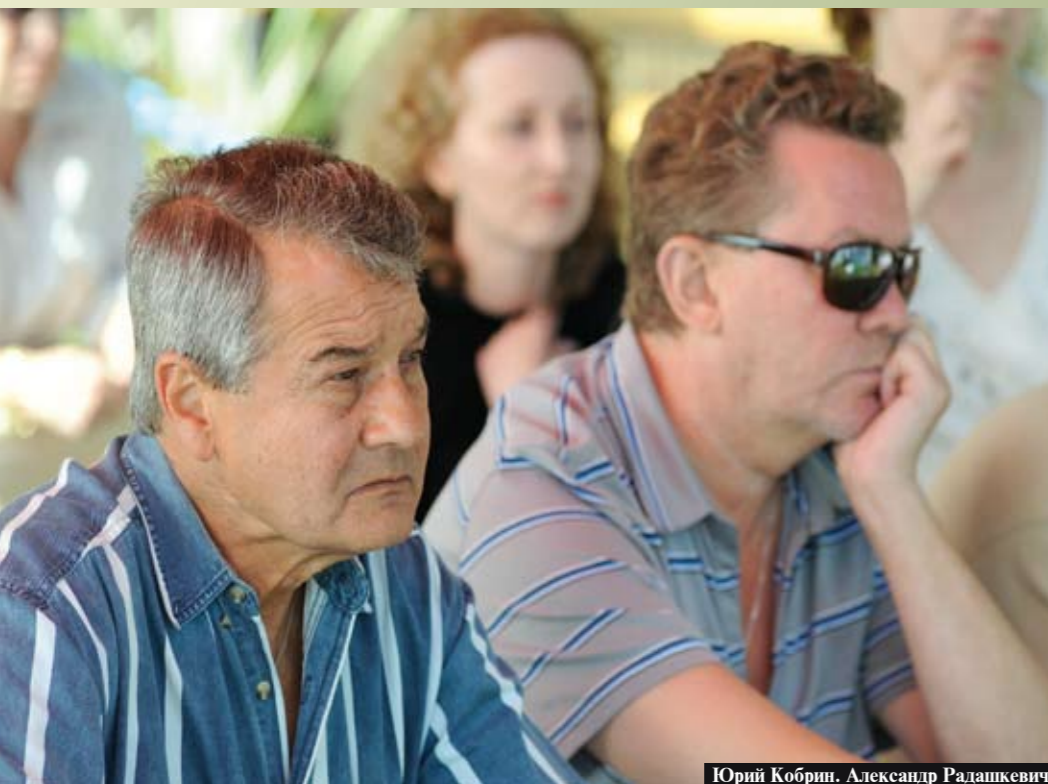
«Разговоры вокруг русского языка как языка межнационального общения - это одно из проявлений проблемы элит. Когда элита, чтобы утвердиться и удержаться, прибегает к разного рода пропаганде. Начинает спекулировать на патриотизме, национализме, псевдоценностях, используя при этом средства массовой информации. То же самое происходит и в Литве. Создается немыслимое количество русскоязычных литературных объединений, в которые объединяются бывшие милиционеры, конъюнктурики, графоманы, ничего не смыслящие ни в языке, ни в жизни. И бороться с этим невозможно, вот что огорчает».

«Здесь в узких улочках живет/неизъяснимое пространство.../Я им дышу из года в год/при возвращении из странствий./Здесь я стихи перевожу,/стихи с литовского на русский,/и каждым словом дорожу,/двойную чувствую нагрузку», - написал он в городской поэме «Мостовые».

Юрий Кобрин живет в Литве не один десяток лет. И каждый день ходит по лезвию: он возглавляет благотворительный

фонд поощрения русской культуры им.К.Воробьева, добивается, чтобы печатали молодых, чтобы печатали русских поэтов, всячески заботится о том, чтобы быть «неразгибаемым звеном ... в затихающей русской речи», пишет, переводит. И пусть кто-то по-старинке определяет его поэзию, «скорее как гражданственную, чем лирическую», Кобрин не обращает на это внимания. Он достойно выполняет свой профессиональный долг Поэта.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Юрий Кобрин. Александр Радашкевич

Знаю одно, писать стихи – мучительный процесс, тяжелей. Иногда не веришь, что сам написал, строчки льются откуда-то, не от тебя», - говорит он.

Гостем Международных поэтических фестивалей, организуемых «Русским клубом» и МФРП, Юрий Кобрин становился три года подряд. В тот день, когда состоялась наша беседа, к участникам фестиваля в гости приехали молодые литераторы из Тбилиси, участники литобъединения «Молот О.К.». По задумке организаторов, опытные поэты должны были поделиться

ЭТА МАГИЯ СЛОВ

Александр Радашкевич – поэт, переводчик, эссеист. В 70-е годы жил и работал в Ленинграде. В 1978 году эмигрировал в США. Работал в библиотеке Йельского университета. В 1983 году переехал в Париж, был редактором еженедельника «Русская мысль». В 1990-1997 гг. – личный секретарь Великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Автор поэтических сборников «Шпалера», «Оный день», «Последний снег», «Ветер созерцаний».

Еще до приезда на фестиваль «В поисках Золотого руна» на Александра Радашкевича «упал», как он выразился, смутный, необъяснимый, загадочный образ: Грузия – это как будто нас уже нет или нас еще нет... Поэт не знал, сложатся ли из этого стихи. Стихи сложились. Вы их прочтете.

По-разному можно думать и говорить о стихотворениях. Но в итоге понимаешь, что соответствие каноническим критериям стихотворения – дело в поэзии не самое главное, а в высшую поэтическую лигу входят тексты, обладающие магией слов. Насколько слова завораживают, настолько они и замечательны, настолько они – поэзия. Как у Радашкевича.

- Недавно мне довелось беседовать с одним известным общественным деятелем, политологом, дипломатом... Беседа получилась содержательной и интересной, но в итоге все кончилось тем, что дипломат попросил интервью не печатать и объяснил свою позицию – ему неловко говорить о вопросах культуры во времена политического неблагополучия, потому что, на его взгляд, эти разговоры бесполезны. Как вы считаете, имеет ли смысл говорить о прекрасном и заниматься прекрасным во время смут?

- Любые политические конфликты, даже самые трагические и на вид безвыходные, все равно ограничены во времени, а культура вечна и бессмертна. Поэтому точки отсчета совершенно разные. Культурой надо заниматься всегда. Пока мы живы, мы живем именно этим, а не политическими конфликтами, которые разрешимы, в конечном счете, нами. Или высшими силами. Когда шла первая мировая война, Ромен Роллан написал свое знаменитое «Над схваткой». Он был, разумеется, француз, но ему культурно была близка и Германия. Роллану этого долго не прощали. Но в конце концов именно его духовная прозорливость победила. Вот эта позиция – «над схваткой» – мне очень близка.

- Культура – это метафизика, а все остальное – физика. Возможно ли это привести в какое-либо соотношение?

- Это вопрос, на который мы найдем ответ, возможно, только после смерти. Поскольку вопрос о нашем физическом, материальном начале и нашем духовном начале – это вопрос, который для каждого человека решается его судьбой, теми испытаниями, которые были ему посланы, встречами, разлуками, надеждами, разочарованиями... Это один из тех вечных вопросов, на которые нет ответа и ради которых нас и прислали в эту «земную школу», в самые первые классы.

- *Может быть, самое важное, что вопрос поставлен, а каков будет ответ – менее важно...*

- Безусловно, главное, чтобы этот вопрос звучал, потому что люди, живущие без таких вопросов, живут только бытовыми заботами... Я их не осуждаю. Но это не моя судьба.

- У Сартра есть фраза: «Важно не то, что сделали со мной, а то, что я сделал с собой, после того, что сделали со мной». Для вас имеет значение то, что делают с вами?

- Если говорить именно о внешних воздействиях, то это, конечно, сказывается на мне. Что-то меня ранило, мало что меня порадовало... Это и распад нашей страны, и все эти конфликты, и все искусственно раздутые национальные вопросы, на которых продолжают играть политики. Мы не знаем их игр. Мы видим только туманные и неблагоприятные результаты, которые налицо, ничего не понимаем, страдаем и чувствуем себя дураками...

- А Владимир Высоцкий замечал, что именно страдание, а не опыт, является основой творчества, а глубоко страдать могут и очень молодые люди... Что, по вашему мнению, является главным побудительным сигналом к творчеству?

Борис Тарасов, Елена Исаева, Александр Радашкевич

- Я абсолютно согласен с Владимиром Семеновичем. Страдание – это и есть та школа, те уроки, которые нам даются, через которые мы проходим...

- *Вам довелось пройти такую школу?*

- Многократно. И я прохожу ее до сих пор. Я не чувствую себя старым, мудрым человеком... Некоторые экзамены в этой школе я сдаю хорошо, а другие проваливаю. И продолжаю учиться, биться... Я верю в свою звезду, но я скромнен и смиренен по отношению к тем урокам, которые нам задаются. А страданий, как и всем людям, мне выпало вполне достаточно. Я покинул свою родину и тосковал о ней, мучился. Вначале я жил в Америке. Это были самые мучительные шесть лет моей жизни, потому что в то время я не знал, смогу

ли когда-либо вернуться? Ведь тогда еще был Советский Союз... Я начал там потихоньку умирать, хотя у меня была работа в библиотеке Иельского университета, прекрасная квартира, хорошие друзья. Я ни в чем не нуждался. Но у меня выбили мою почву из-под ног, а на чужой почве я не мог жить – это не мое. Я не привился. И сейчас бы не привился. И вообще это было время, из которого я еле выполз, и выжил, попав во Францию, где у меня сразу появилась работа – меня уже печатали в «Русской мысли», и предложили работу редактора. Я быстро вошел в эту жизнь, потому что Европа мне в тысячу раз ближе. Европа живет своей жизнью, она старая, человечная. К несчастью, она тоже глобализируется и теряет свое лицо, все страны теряют индивидуальность, все подводится к какому-то безумному общему знаменателю.

- *Ваша биография – это обширная география. Какой из городов оставил самый значительный след в вашей жизни?*

- Петербург. Ленинград. Это моя духовная родина. Это моя Атлантида. Я всегда душой туда возвращаюсь – и во снах, и наяву. Это то место на земле, где я чувствую себя собой, где я состоялся как человек. Мне было семнадцать лет, когда я попал в Ленинград, я эмигрировал уже оттуда, в 78-ом году, там прошли те годы моей жизни, которые и складывают человека, его духовный мир, ценности. Это мой мир, и если уж совсем интимно, то самое мое любимое место на земле – это Павловск, Павловский парк.

- *А как вам здесь, в Грузии?*

- Мне здесь хорошо. Мне здесь очень хорошо дышится – я очень люблю море... Я до этого был в Грузии два раза, а когда летел сейчас, возник такой образ: Грузия – это как будто нас уже нет, или нас еще нет... Этот образ «упал» на меня, когда я сюда летел. Возможно, из этого будет стих.

- *А когда вы приехали в Грузию впервые?*

- В 1990 году я стал личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича. После его внезапной кончины я еще лет пять-шесть продолжал работать с его семьей – вдовой, дочерью, которая стала главой Российского императорского дома, и наследником, который был тогда совсем маленьким. В Грузии мы были дважды – в 95-ом и 96-ом годах. Первый раз был визит с Великой княгиней Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской, поэтому Грузия мне близка еще и с этой стороны, и это долгая и отдельная тема. Это была незабываемая неделя, нас возили по замечательным местам, было много встреч, в том числе и просто с людьми – на площадях, на улицах... Второй раз мы приехали в Грузию в составе большой делегации, в которой были уже и Мария Владимировна, и Георгий, которого зовут, разумеется, Гоги... Поэтскому когда я смотрел фильм «Свеча с гроба Господня», где все время присутствует тема Багратиони, я думал о Леониде Георгиевне, с которой я не только работал несколько лет, но и к которой, как к замечательному человеку, был глубоко привязан.

- *Россия и Грузия, на человеческом уровне, свободны в своих отношениях или мы в какой-то степени рабы стереотипов?*

- Простые нормальные люди всегда свободны в своих отношениях. Правители сделали все, чтобы мы были несвободны. Иногда у них это будет получаться, иногда нет, и будут выискиваться вещи, которые трудно простить, они будут стараться сделать что-то такое, что в национальной памяти останется как обида одного народа на другой. Я не знаю их целей и не понимаю их игры, просто не берусь судить о том, чего я не знаю, но явно вся эта закулисная война не касается наших народов. Ну что я могу иметь против вас, например, или вы – против меня? Что нам делить? Это так просто...

- *На вашем сайте есть страница «Стихи моих друзей». Это здорово, и в первую очередь характеризует*

самого хозяина сайта. А если бы вы делали страничку «Любимые стихи», какие строчки вошли бы туда в первую очередь?

- Их много – моих спутников, учителей. Но если говорить чисто интимно, мне всегда были очень близки Тютчев и Блок. А моим любимым поэтом в юности был Волошин.

- *Вы просто любите творчество этих поэтов или вы учились у них?*

- И то, и другое. Я начал писать стихи довольно поздно, в восемнадцать лет примерно. И сразу начал писать в той манере, в какой пишу и сегодня. Вот как раз вчера меня спросил Валдемар Вебер: «А как бы ты определил тот стиль, в котором пишешь?» Ну, ясно, что это верлибр, но я определил его как интуитивный верлибр. Я пишу по наитию, не выстраивая рационально ничего. Я учился, безусловно, у многих поэтов, и переводная лирика сыграла свою роль – я много читал античную литературу, китайцев, японцев... Вообще, есть какие-то вещи, которые неизвестно по каким причинам западают в душу. Я помню, как был поражен, когда среди рифмованных стихов Блока вдруг прочитал «Ночную фиалку», которая написана белым стихом. Я был потрясен, что так можно писать – там даже ритма практически нет...

- *Там есть ритм внутренний...*

- Безусловно. И это держится на интонации. Но так писать каждый может только по-своему. Писать «под» «Ночную фиалку» невозможно. А еще меня поразили «Александрийские песни» Кузмина – это один из лучших образцов верлибра в русской поэзии. Вы понимаете, у меня верлибр – это часто даже самые обычные стихи, которые разбиты на строчки необычным образом. Я очень люблю обрывать строку там, где я хочу, чтобы следующее слово прозвучало в начале, чтобы читателя не укачивало «ля-ля-ля» под сурдинку, чтобы следующее слово читателя «ударил»... Я предпочитаю даже разозлить читателя, я мешаю ему читать, я мешаю ему укачиваться.

- *Это уже не интуитивный, а вполне осмысленный верлибр...*

- Да нет, делаю я это интуитивно, потом осмысливаю. Я считаю, что наше время не входит в правильные размеры, оно совершенно безобразное и неправильное, и, в частности, по отношению к культуре – наше время антикультурное. И это время укладывается у меня в определенные формы.

- *Получается, классики с их мастерством могут казаться даже старомодными?*

- Думаю, нет. Ведь они отражают свое время, которое не было механизировано и которое гораздо богаче, духовнее и фантастичнее нашего времени – рациональное. Наоборот, наши классики вечно напоминают нам о той гармонии, которая ушла и которая, будем надеяться, вернется. А свои стихи я выстраиваю не только интонационно, но для каждого стиха после первой сырой болванки, когда я чувствую его организацию и начинаю ощущать его форму, я ставлю строгие рамки, в которых он начинает развиваться, и случается, например, повтор первой строки или повторяющиеся ритмические сбиты. На самом деле, что бесформенно – то бесформенно, и оно расплывается в ничто. Искусство должно быть организованным. Поэтому кажущийся мой сумбурный верлибр на самом деле имеет свой структурный закон.

- *Так все же вы диктуете стихам, какими быть, или стихи диктуют вам, какими они будут?*

- В первую очередь, стихи диктуют. А структура, форма, выверенность стиха – это вторично. Вначале возникает вот этот самый первозвук, первая мелодия, первые слова, которые часто оказываются последними строчками стихов. Без этого я никогда не сажусь писать. И никогда не пишу стихов на заданные темы. Иногда я пишу на какую-то внутреннюю музыку, иног-

да какой-то образ кружится в голове, и я ищу под него размер, ритмику, чтобы этот образ зазвучал. А потом я откладываю стих, даю ему остынуть, и уже после шлифую его, оттачиваю.

- *Наше время называют по-разному – и временем абсурда, и эпохой постмодернизма... Кем легче быть в непростые времена – верующим, атеистом, философом?*

- Легче всего быть дебилом. А вообще нет легких времен, и наше время одинаково тяжело для всех трех категорий, названных вами.

- *А какую выбрали бы вы?*

- Из этих трех я бы выбрал быть ... Государем-императором. Даже нет, я предпочел бы быть принцем, который не будет никогда на троне, а может заниматься культурой, искусством. Я отвечаю вам совершенно искренне.

- *Замечательно! Напоследок я хочу задать вам мой любимый вопрос. У Сальвадора Дали есть фраза: «С годами я хорошею». А что происходит с годами с вами?*

- С годами я физически старею, но молодею душой. Я ощущал и помню даже по своим старым стихам, которые я выбросил, что в юности, когда внешне я выглядел моложе и легче, я был тяжелее и старше, чем сейчас. Так что, теперь, когда скафандр начинает растягиваться и спадать, я, наоборот, молодею.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Александр РАДАШКЕВИЧ

ЭТО КАК БУДТО

Грузия – это как будто ты уже умер или не родился еще. Колхидская холеная волна ходит нагими ночами во мне. О Сакартвело, что нас привело и уложило в рассветное море и в бирюзовом гамаке между гравюрными соснами под проплывающей бережно чайкой, что колетса на две? Что водит пса слепого, как Гомера, безлюдными песками в час разлук? И сдохнет ли у пыльных стоп седого Одиссея? Куда глядит весь день, как бледный монолит, недвижная корова черным взором? В старом небе, нечаянно-чающем, тот несказуемый облачный бог, что водит толстым пальцем Пиросмани. И я целую праведное море прощальными губами, как дитя, которое не ведало дондес ни встреч, ни расставаний. О Сакартвело, что нас увело из мира сопредельных снов без сна и без оглядки? И я гляжу в незнаемое море с премудрою буренкой, не мигая. Грузия – это как будто было, что будет: ты еще умер или не родился уже.

Июнь 2009

Римма Маркова и Елена Зейферт

БОЛЬШЕ СТИХОВ И ОБЩЕНИЯ

- СЧИТАЕТ УЧАСТНИЦА ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ РИММА МАРКОВА (ШВЕЦИЯ).

- Расскажите о русской диаспоре Швеции.

- Швеция – это не страна русской эмиграции. Нет русской литературной среды, нет русской периодики, нет издательства. Есть несколько человек, пишущих по-русски, которые – каждый сам по себе. Я пыталась выявить школьников, которые что-то пишут, создать какое-то объединение, но это достаточно сложно. Несколько лет назад нам удалось осуществить один проект совместно с Интернациональной библиотекой. Мы собрали четыре группы ребят, пишущих на разных языках: китайском, арабском, испанском и русском – каждая работала в течение определенного периода с писателем, пишущим на их родном языке, а потом – со шведским поэтом, и переводили на шведский. Но оказалось, что для многих, в частности, для нескольких русских и почти всех китайских ребят было легче писать по-шведски, а потом уже переводить себя на родной язык.

- А какой-то, хотя бы количественный, учет русско-пишущих существует?

- Нет, никакого учета нет. Существует объединение русских соотечественников.

- Не литературное...

- Не литературное. Проблема в том, что многие, попав в другую страну, мнят себя великими русскими писателями, художниками, журналистами. Это очень скучно и участвовать в таких «литературных кругах» я не хочу. Есть отдельные общества в разных городах Швеции, некоторые из них устраивают литературные вечера, читки. Я сама председатель одного такого общества. Мы устраиваем вечера русской книги в библиотеках для детей и для взрослых, приглашаем писателей, журналистов и просто интересных людей, живущих в разных странах, не только в Швеции, но и из Финляндии, России. Есть

такой сайт «Шведская пальма» (www.sweden4rus.nu) со своей библиотекой, в которой они кое-что размещают. Это единственное место, где более или менее собраны русские литераторы Швеции. Живет здесь Регина Дериева, очень интересная, по-моему, писательница.

- А что вы можете сказать о современном литературном процессе, русском или, как теперь принято говорить, русскоязычном?

- Русская литература будет развиваться. Сейчас она очень широка и развивается на весь мир, и, я думаю, что идет какое-то накопление, на его фоне рано или поздно появятся очень большие личности. Так всегда было исторически – ведь не каждое десятилетие дает гения. Художники второго плана просто жизненно необходимы, потому что без него не может быть первого.

- Вы впервые приехали в нашу страну?

- В конце 50-х мои родители, геодезисты, работали в экспедиции в Очамчире и брали меня с собой. Мне тогда исполнилось 7 лет. Это детские впечатления. После этого я была участницей первого русско-грузинского фестиваля поэзии.

- Ваши впечатления о Грузии?

- У меня вообще к Грузии, думаю, как и у всех в России, отношение особое. Я не знаю другой страны, которая при таком небольшом количестве населения выдала бы такое количество личностей мирового уровня в области культуры. Не знаю, в чем причины, в чем секрет. Меня всегда интересовали грузинские театр, кино, изобразительное искусство, поэзия... Какие сферы искусства ни возьмем, Грузия выдает какое-то невероятное количество талантов. Грузины заметны не только в русской или в грузинской, но и в мировой культуре – потому что это явления очень большие.

- Баланчин...

- Баланчин, Параджанов, Иоселиани... К сожалению, поскольку у нас не было выхода за пределы СССР – не все об этом знают. Я думаю, что можно сейчас пропагандировать и показывать то, что остается малоизвестным, многое до сих пор не устарело.

- А что происходит в шведской литературе?

- Я не берусь судить, хотя читаю и даже немного переводила шведскую литературу. Но систематизировать какие-то тенденции, сказать, что происходит вряд ли смогу. Я живу в стране почти 15 лет, но многое мне все равно непонятно, вероятно потому, что у меня совсем другие исходные позиции, их изменить трудно. В этом году отмечали 90 лет замечательного шведского поэта Леннарта Хельсинга. Его роль в Швеции не менее значительна, чем роль Корнея Чуковского в русской детской литературе и языковом развитии детей. Но... в Швеции дети стихов не учат, а если и поют песенки (а на его стихи много песенок детских), то не знают авторов. В школе нет такого учебного предмета: литература, потому что, якобы, для этого необходимы ограничения, некий литературный канон, список обязательных произведений, а это уже нарушение демократии. В Швеции переводят практически всю русскую поэзию свободным стихом. Я спорила как-то с одним шведским поэтом, восторгалась переводами Блока, в которых от Блока остались одни метафоры. Сейчас, правда, некоторые молодые поэты возвращаются к классической форме.

- Что вы думаете о нынешнем фестивале?

- Это был действительно поэтический фестиваль. Потому что первые фестивали были наполнены, но не столько поэзией, сколько экскурсиями и приемами. А в этот раз было много больше стихов и общения. Очень хорошо, что молодые русскоязычные поэты из Тбилиси приехали и выступили. Мы увидели, что русская поэзия в Грузии развивается наравне с грузинской. Это замечательно.

Михаил ЛЯШЕНКО

«ПОЭТИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ»

Нико Гомелаури, Давид Маркиш, Павел Финн

Павел Финн кинодраматург, заслуженный деятель искусств России. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Был журналистом, работал на телевидении и в документальном кино. С 1968 года пишет сценарии к игровым фильмам, среди которых - «Всадник без головы», «Вооружен и очень опасен», «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского», «Объяснение в любви», «Леди Макбет Мценского уезда», «Подарок Сталину». Более 20-ти лет преподает на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Руководитель творческой мастерской.

В знаменитом определении Андрея Вознесенского «люди дружат, а страны – увы» по-прежнему остается главным и непреложным то, что люди дружат. Атмосфера на III международном русско-грузинском поэтическом фестивале была именно дружественной и, что немаловажно, творческой. А взаимные человеческие симпатии определили радостный и легкий стиль общения. Незабываемым стал день, когда для участников и гостей фестиваля Павел Финн провел свой мастер-класс «Поэтический кинематограф» - блестящий, полный неожиданных и глубоких наблюдений, умозаключений, воспоминаний, побуждающий к размышлению. «Я не люблю поэтическое кино», - сказал в начале Финн. «Поэтического кино нет», - закончил он же. И в этих словах уже была драматургия и известная доля здоровой провокации, ведь все его выступление было посвящено поэтике кино и поэзии в кино. «Без поэзии кино не пойдет вперед», - с этими словами Павла Финна спорить не хочется.

В названии данного мероприятия меня пугает слово «мастер» и радует слово «класс». Как только у меня самого прекращаются потребность и желание ученичества, все во мне сразу коснеет и замирает, замораживается.

Итак, это некоторые мои размышления на заданную тему. Так сказать, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»... Для меня действительно кино не только дело сердечное, единственное, но и постоянный предмет догадок, споров с самим собой, утверждений и опровержений.

...Кино настолько связано с массовым сознанием, что и меняется вместе с ним. Иногда неизвестно даже, что раньше. Сейчас не слишком умело, но зато открытое зомбируемое массовое сознание требует от кино крови и слез и менее всего поэзии в кино, поэзии кино или, скажем так, поэтического ощущения от кино.

Поэзия вообще, не особенно как-то и сопротивляясь, уходит из нашего мира, а уж из кино... Бежит, изгоняется повсеместно под дулами полицейских-суперменов и гангстеров-киллеров.

И вместе с тем вот вам парадокс: я – вслед за Тарковским – ненавижу так называемое «поэтическое кино». И прежде всего как понятие, давно уже скомпрометировавшее себя и обозначающее для меня подмену настоящего кинематографа ложной многозначительностью образов и выспренной слащавостью интонаций. Так называемое «поэтическое кино» – это ни что иное как механическое перенесение ряда литературных (поэти-

ческих) приемов на кинематографическую почву.

...Отражение мира, человеческого космоса и человека в мире и космосе, человеческой экзистенции – это для кино. Человека и мир надо было увидеть и понять не в статике, а в динамике. Потому, полагаю, Бог и создал кино, избрав для этого братьев Люмьер.

Тогда еще никто по-настоящему не предполагал, что кино – это невероятная, истинно Богоданная возможность наблюдать жизнь, воссоздавать жизнь со всеми тайнами сознания и подсознания, реальности и ирреальности, возможность населять эту новую, созданную жизнь чудесами, демонами и ангелами.

Собственно, что такое кино? Остановка мгновения. «Остановись, мгновенье, ты не столь прекрасно, сколько ты неповторимо», - писал Бродский. Не само мгновение, конечно, наполненное кровью и лимфой живого бытия, а его отпечаток, его образ. Что такое образ в кино? Я позволю себе попытку определения, чрезвычайно субъективного. Образ – это совокупность выбранных визуальных реалий, организованная неповторимостью чувственного и интеллектуального переживания отношения художника ко всему. Образ есть естественное соединение наблюдателя и наблюдаемого, божественной идеи, заложенной в данном человеке, художнике, и реальности, готовой к оплодотворению и преобразению, образ есть нечто третье, рожденное от этого союза-соединения. Образ – это процесс зарождения духа, поиска им лучшей формы и воплощения в наиболее локальной и выразительной форме.

Напряжение, энергия, которые возникают при попытках души и ума, создающих этот образ, вырваться за пределы познаваемого в сферу чувственную и метафизическую, и есть, видимо, искусство вообще и искусство кино в частности.

Искусства не было бы, если бы Бог не подарил человеку одно невероятное свойство – способность переживать придуманное как реальность, наполненную своим временем. В сущности, все искусство – это игра со временем. Но у кинематографа в этой игре больше возможностей... Ведь нет прошлого, настоящего, будущего, а есть в с е г д а. И это чрезвычайно важно для настоящего кино. Вообще, сила кино в остановке реального времени, в его разложении, в его приближении к реальности и вместе с тем в возможности, остановив время, анализировать его в динамике.

«Я свободно прикасаюсь к бессловесным тайнам, выявить которые способен только кинематограф», - говорит Ингмар Бергман и добавляет как будто даже парадоксально: «Я приблизился к проблематике, доступной, в сущности, лишь поэзии и музыке».

Именно близость кинематографа к поэзии и породила ложность представлений о «поэтическом кино», которое делают те, кто, как и некоторые в поэзии, точно знают, что если слова рифмовать, получатся стихи, а если что-то снимать, получится кино.

Но возможность и способность делать значительным и неповторимым то, что обыкновенному глазу таковым не кажется, но увидено именно вашим глазом, преобразовано именно вашим чувством – и есть главные признаки нашего искусства кино.

У кино, конечно, особый путь. Трудно ли произвести впечатление, если к твоим услугам реальная и естественная выразительность существ, вещей, мира? Доступность и легкость создания чудес на экране заставляет искать чудесное в кино в каких-то иных, не технических сферах. Но в тех же, наверное, где пребывает и Бог поэзии...

А как реагировала поэзия на кинематограф, кроме того, что относилась к нему снисходительно или восхищенно? И было ли обратное влияние – кинематографа на нее? Конечно, да. Потому что кроме нового для ис-

кусства изображения человека, кино еще и зафиксировало новые ритмы жизни, новые скорости, новые ракурсы, монтаж событий, столкновения.

Кстати, искусство всегда существовало за счет взаимного вампиризма.

Поэзия была явно «задета» кинематографом – в прямом и переносном смысле. Теоретики ОПОЯЗа, прежде всего, Юрий Тынянов, заклеившие потом как формалисты, хотя это похвала, впервые стали сравнивать поэзию и кино, поэтику поэзии и поэтику кино по их формальным признакам. Язык поэзии оказался сопоставим с языком кино.

«По своему материалу кино близко к изобразительным, пространственным искусствам – живописи, по развертыванию материала – к временным искусствам – словесному и музыкальному», - пишет Тынянов и приходит к заключению: «Кадр – такое же единство, как замкнутая стихотворная строка. Кадры в кино не развертываются в последовательном строе, постепенном порядке – они сменяются. Такова основа монтажа. Они сменяются, как один стих, одно метрическое единство сменяется другим – на точной границе».

Обаяние опоязовских идей было чрезвычайно велико. Я думаю, под него попал и Эйзенштейн, не подозревающий, что уже или вот-вот в городе Юрьевце на Волге родится чудный мальчик, который нанесет жестокий удар по его, Эйзенштейна, теории и практике. Мальчик этот – первый и, может быть, единственный среди режиссеров философ кино Андрей Тарковский. Вот что утверждал он: «Если творчество, искусство всегда в конечном счете метафора, то поэтичность всегда псевдо-метафора... Существует термин, который уже превратился в трюизм: «поэтическое кино». Под ним подразумевается кинематограф, который в своих образах смело отделяется от той фактической конкретности, картину которой дает реальная жизнь... Но мало кто задумывается о том, что в этом таится опасность. Опасность для кинематографа отдалиться от самого себя... Если время в кино предстает в форме факта, то факт дается в форме прямого, непосредственного наблюдения за ним. Главным формообразующим началом кинематографа является наблюдение... Поэтичность фильма рождается из непосредственного наблюдения за жизнью, вот, на мой взгляд, настоящий путь кинематографической поэзии. Ни одно искусство не может сравниться с кинематографом в той силе, точности и жесткости, с какими он передает ощущение факта и фактуры. И поэтому меня раздражают претензии нынешнего «поэтического кино», приводящие к отрыву от факта, от реализма времени, рождающие вычурность и манерность».

И тут оказалось, что у Тарковского есть старший великий современник и его сторонник, неведомо для себя. Это был Борис Пастернак. Много лет назад я просто вздрогнул от восторга, натолкнувшись у него на следующее утверждение: «Поэзия есть язык органического факта, то есть факта с живыми последствиями». Выходит, что в основе сущности кинематографического действия, на наших глазах рождающего новую реальность, лежит то же самое, что, по словам Пастернака, составляет основу поэзии. Факт с живыми последствиями. А так называемое «поэтическое кино» как раз и занимается подменой факта и образа псевдо-поэтическим, спекулятивно-эмоциональным описанием, выдаваемым за чудо на экране.

Наша жизнь – тоже органическое последствие факта. Жизнь – фабула, судьба – сюжет. Завязка – рождение. Финал – смерть. Кульминация – выбор себя. Жизнь – для всех, судьба – только лишь твоя, неповторимая и непредсказуемая. И самое страшное и самое интересное в жизни и судьбе, как в кино, полнейшая непредсказуемость. Кино, драматургия кино, как и жизнь, тоже есть органи-

ческое последствие какого-то предлога, предъявленного создателем, находящегося в тех или иных отношениях с реальностью и метафизикой.

«Поэтический сценарий», псевдо-поэтический, написанный возвышенно и сверхэмоционально, опирающийся на словесную замену истинно поэтического сознания, совершенно не обещает поэтическое кино. Оно возникает только в том нечастом случае, когда таким сознанием обладает режиссер.

Но вот это уже особое и не столь частое дело... Не всякому дано каждое мгновение жизни осознать не как случайность, а как необходимость, но выдавать это за случайность...

По счастливой случайности я знал всех выдающихся режиссеров нашего времени. Такой подарок сделала мне судьба.

Тарковский... Теперь мне понятно, что суть эстетики Тарковского не только (или не столько) во взаимоотношении со временем, а в отношениях с пространством, постоянная попытка прорыва в даль и глубь экрана, в заэкранье, где, возможно – мечта, надежда? – сходятся параллельные.

Кира Муратова – каким-то таинственным образом от первых замечательных картин пришедшая совершенно к поэтике обэриутов, говоривших: «Искусство имеет нежитейскую логику».

Одно время при упоминании «поэтического кино» сразу, как синоним, возникало «украинское кино», потому что был Довженко... Потом все перевернул Параджанов.

Я знал его со времен «Теней забытых предков». Но особенно понял его в Тбилиси, у него дома на Котэ Месхи, 9, куда он в приказном порядке пригласил нас с женой из Пицунды в пасхальные дни после события, необратимо перевернувшего наш мир – Чернобыльского взрыва.

Это был потрясающий май. Мы провели три дня под его руководством. Глаза и уши полны Грузией. Пасхальная ночь. Подворье святой Варвары. Сионский собор, где у нашей спутницы – девочки – загорелись волосы от прикосновения свечей, которые держал в руках Патриарх...

Для Параджанова все было поэзией и все было кино. Он извлекал кино из воздуха... Пытаюсь вспомнить, были ли в его доме книги? По-моему, нет... Но он знал все. Восседаая передо мной, как Керуб, ангел, демиург, он рассказывал, как хочет снимать лермонтовского Демона – оторваться было невозможно, это был поразительный рассказ! Я сказал ему, что он единственный режиссер, который мог бы взвалить на себя «Слово о полку Игореве». Надо сказать, он согласился...

Четвертый режиссер-поэт – это Отар Иоселиани. Они дружили с Тарковским, хотя кино друг друга вызывало у них не всегда одинаковые чувства и оценки. Особенно у Отара. Но цену друг другу они знали прекрасно.

Я люблю все его картины, буквально все, но вершина поэзии Отара – «Пастораль». Иронист и скептик, математик по первому образованию, предельно рационализировавший процесс подготовки к фильму, совершеннейший поэт, постоянно лукаво рифмующий драму жизни с ее легкостью, с ее случайностью...

Новизна в искусстве, в кино – вещь редкая, как жар-птица, которую Иванушка поджидал в засаде. В наше время в схватке столкнулись культура и антикультура. И, увы, победа не на стороне первой. Антикультура предлагает свои модели взамен свободной мысли в искусстве. Современному кинематографу, как явлению, не хватает ума. И это тогда, когда он ему так нужен. Именно в наше роковое для него время необходимо осознание им самого себя, как осознала себя проза и поэзия.

Возвращение поэзии в кино необходимо, потому что без поэзии оно не пойдет вперед.

Вспоминаю последний съёмочный день фильма «Подарок Сталину» в Казахстане. Мороз. Солнце. Давид Маркиш, давно забывший о холоде ближневосточный житель. Волшебная белая степь. Следы лапок каких-то зверей. Черный всадник, проскакавший на общем плане. Двое мальчишек вдруг приводят на веревочке испуганную собаку, морда у нее, как маска – исполосована когтями барсука...

Вот это была поэзия. Вот это надо было снимать.

А никакого «поэтического кино» нет, поверьте мне...

Материал подготовила
Нина ШАДУРИ

«И ИМЯ НАМ – ЛЮБОВЬ»

Исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося грузинского поэта Валериана Гаприндашвили (1889-1941).

Гаприндашвили - один из лидеров поэтического объединения «Голубые роги». В 1919-1924 гг. редактировал журнал «Грезящие газели», долгое время состоял председателем переводческой секции Союза писателей Грузии и заведующим отделом художественной литературы и искусства издательства «Заря Востока».

Он самый «русскоязычный» поэт в грузинской литературе. Первые свои стихи (еще в студенчес-

кие годы) писал на русском языке. Ему принадлежит и написанный позже цикл русских стихотворений (среди них сонет, посвященный Борису Пастернаку «Ты мастер и поэт»). Гаприндашвили переводил стихотворения грузинских поэтов на русский язык. Особенно следует выделить переводы стихотворений Николоза Бараташвили, вышедшие отдельной книгой (Тбилиси, 1923).

Предлагаемые читателю воспоминания о В.Гаприндашвили принадлежат его свояченице, заслуженному врачу Грузии Мери Ираклиевне Чавчавадзе-Торадзе (1894-1980). Впервые опубликованы на грузинском языке в журнале «Мнатоби» (1976 г., №5).

С Валерианом Гаприндашвили меня познакомил в 1922 году мой муж, Григорий Северьянович Торадзе. Они были друзьями с детства и одноклассниками по Кутаисской классической гимназии. Жили на Балаханской (ныне А.Церетели) улице. Впоследствии Валериан Иванович посвятил своему другу прекрасное лирическое стихотворение «Риони».

Позднее мы еще больше сблизились, после того, как в 1925 году Валериан женился на моей старшей сестре, Ирине Ираклиевне Чавчавадзе.

По воспоминаниям моего мужа, в школе Валериан выделялся ярко выраженными гуманитарными способностями, был лучшим учеником по этим предметам, очень много читал. Однажды он поразил учителя русской словесности, который отказывался верить, что автор так понравившегося ему сочинения не был русским.

После окончания школы пути друзей разошлись: в 1909 году Валериан для продолжения учебы уехал в Москву, где поступил на юридический факультет университета. Встречались в летние каникулы в родном Кутаиси. Об одной из таких встреч муж вспоминал: «Осенью 1915 года, вернувшись домой с турецкого фронта, я встретил на улице Валериана. Он казался возбужденным и радостно оживленным. «Приехал Бальмонт, – сказал он, – сегодня мы устраиваем ему дружескую встречу. Туда-то я и спешу».

Как известно, Валериан Гаприндашвили посвятил Бальмонту написанный на русском языке сонет, восхитивший, по словам очевидцев, знаменитого поэта. «В стихотворениях Брюсова, посвященных мне, – сказал Бальмонт, – есть скрытая ложь, они надуманы, обращения Вячеслава Иванова случайны, а этот сонет в четырнадцать строках очерчивает всего меня».

В архиве В.Гаприндашвили сохранились его очень интересные воспоминания (на русском языке) об этих памятных днях, надеюсь, когда-нибудь они будут напечатаны, так же как и воспоминания о встречах с А. Белым.

Как известно, на прощальном банкете Бальмонт произнес благодарственный стихотворный экспромт, факсимильная рукопись которого, к счастью, также сохранилась.

Возвращаясь к первым годам знакомства с Валерианом Ивановичем. Еще до того, как он стал нашим зятем, я встречала его вместе с его неразлучными друзьями – Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили чаще всего в театре. Валериан был в восторге от Лауренсии Тамары Чавчавадзе (моей младшей сестры) и со свойственной ему горячностью просил передать ей свое восхищение. Глубоким почитателем артистического таланта Тамары он оставался до конца своих дней. Об этом свидетельствует прекрасное стихотворение «Баллада о шлейфе и веере («Тамаре Чавчавадзе – леди Мильфорд»). Здесь же хочу отметить большую любовь Валериана к театру вообще. Вспо-

минаются еще два его стихотворения – сонеты, посвященные «великому чародею Константину Марджанову» (на русском языке) и замечательному артисту У. Чхеидзе. Театральными образами наполнен его известный поэтический сборник «Закаты» («Даисеби»). Сейчас мало кто помнит, что Валериану Гаприндашвили принадлежат блестящие переводы на грузинский язык «Разбойников» Шиллера и «Уриеля Акосты» Гуцкова, постановки которых относятся к ярчайшим страницам истории грузинского театра (он же перевел «Беатриче Ченчи» Шелли и «Рюи Блаза» Гюго).

После премьеры «Уриеля Акосты» К.Марджанишвили буквально силой затащил Валериана за кулисы, но так и не смог вывести его на сцену.

Непосредственной «виновницей» нашего породнения с Валерианом стала жена Тициана Табидзе – Нина Макашвили, которая была близкой подругой моей сестры Ирины и нашей дальней родственницей (мать моя – урожденная Макашвили). Она-то и познакомила ее с поэтом. Моя сестра Ирина была натурой поэтичной, тонкой, и она, конечно, не могла не оценить по достоинству высокоталантливую, блестяще образованную и вместе с тем, на редкость чистого душой, деликатного человека, каковым, без сомнения, был Валериан. Что же касается самого поэта, он буквально боготворил ее, называл «моей мадонной». Вскоре состоялась их свадьба, на которой «шаферицей» была Нина Табидзе (Валериан, в свою очередь, был крестным отцом дочери Нины и Тициана Ниты). Исключительно дружеские, душевные отношения между сестрой и Ниной Табидзе сохранились и после смерти Тициана и Валериана. В тяжелые годы войны рано овдовевшие подруги часто виделись друг с другом и долгими разговорами старались развеять тягостные мысли. Ирина скончалась на несколько лет раньше Нины. Помню, во время панихиды 10 марта 1959 года Нина подошла ко мне и сказала на ухо: «Внизу меня ждет Пастернак, не хочет появляться на людях и передает искренние соболезнования семье Валериана Ивановича».

Валериан очень сблизился с Борисом Леонидовичем в 30-е годы, когда тот несколько раз приезжал в Грузию и работал над переводами произведений грузинских поэтов. Пастернаку принадлежат блистательные, виртуозные переводы двух поэтических шедевров В. Гаприндашвили «Море» и «Кутаис в ветреную погоду», а также еще нескольких стихотворений. Думается, прав был критик Е.Эткинд, отметивший, что «В.Гаприндашвили больше привлек Пастернака, чем даже горячо им любимые Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. Ему были свойственны черты, близко роднившие его с русским поэтом».

Борис Леонидович подарил несколько своих книг грузинскому брату. На одной из них (роман в стихах «Спекторский», М., 1931) такая надпись: «Валериану

Ивановичу Гаприндашвили с нежностью и большим желанием узнать его поближе. Б. Пастернак. Коджори. 16.VIII.31 г.».

В свою очередь, Валериан посвятил Пастернаку сонет (на русском языке) «Ты мастер и поэт», заканчивавшийся словами: «Мы верим: ты свои расправишь крылья вновь./Мы за тобой следим, и имя нам – любовь!»

Валериан был щедрым человеком. Особенно лю-

Автограф К.Бальмонта

Валериан Гаприндашвили, Галактион Табидзе, Георгий Кучишвили. Конец 1920-х гг.

бил дарить книги, но никогда их не надписывал. Говорил: «Как можно марать книги нашими каракулями!»

Влюбленный в книги, он постоянно их покупал. Мог часами рыться в книгах на полках букинистических магазинов. По моему наблюдению, особенно ценил русскую и французскую литературы. Пушкин, Лермонтов, Блок, Брюсов, Бальмонт, Бодлер, Малларме, Верлен, Рембо, Верхарн, Эдгар По – вот поэты, которых он упоминал чаще других. Разумеется, прекрасно знал грузинскую литературу. В его сочинениях чаще всего встречаются имена Руставели и Бараташвили. Руставели он посвятил ряд стихотворений, внес свою лепту и в руствелологию, написав несколько статей.

Что касается поэзии Бараташвили, здесь его вклад еще более весом. Валериан был одним из первых его переводчиков на русский язык.

Еще в 1922 году вышла книга его переводов сочинений Бараташвили, среди которых особо следует отметить «Сумерки на Мтацминда» и «Серьга». Достоин оригинала и перевод (несомненно лучший из всех существующих) знаменитого стихотворения Галактиона Табидзе «Я и ночь».

Вообще всем переводам Валериана (в том числе и собственных стихов – под псевдонимом Тристан Мачабели) свойственны черты присущей ему высокой эстетической культуры и вкуса. Помимо переводов, ему принадлежат свыше 20 стихотворений, написанных по-русски.

Не берусь судить, но мне кажется, что роль и значение Валериана Гаприндашвили в нашей поэзии еще недостаточно оценены. Но, наверное, придет и его время.

О своем творчестве поэт высказывался крайне редко, но, помню, как однажды в связи со своими «Закатами» он сказал: «Если когда-нибудь меня будут ценить, то благодаря вот этой книжке».

Изредка, преимущественно в первые годы нашего знакомства, он читал нам свои стихи на грузинском и русском языках. Помню, например, как читал «Сентиментальный триолет», «Ночные листья» и «Эмилю Верхарну», которые он особенно любил.

Музыкальным слухом он не обладал, но высоко

Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили. Конец 1920-х гг.

ценил магическую силу музыки. В его стихах не раз встречается упоминание о Бетховене.

Вспоминается такой случай. В декабре 1921 года мы с мужем встретили на улице Валериана, державшего в руках небольшую связку только что отпечатанных журналов «Меоцнебе ниамореби» («Грезыщие газели») № 11 (как известно, он был основателем и бессменным редактором этого на редкость оригинального журнала. С грустным лицом обратился к нам: «Это последний номер, журнал прекращает свое существование», — и презентовал нам один экземпляр.

Могу сказать, что была «свидетельницей» рождения одного из стихотворений поэта. Однажды летним вечером мне и Валериану пришлось пешком добираться до Цхнети, где нас ждали наши малыши. Каким-то образом мы сбились с пути. Наступила ночь. Ощущение было не из приятных. Этот случай вдохновил поэта на создание прекрасного стихотворения «На цхнетской дороге». В шутку я говорила ему, что он должен был бы посвятить это стихотворение мне.

Ближайшими друзьями Валериана были Паоло Яшвили и Тициан Табидзе, горячо, по-братски им любимые. Поистине это была «неразлучная тройка». Сохранились фотографии, где друзья запечатлены втроем. В стихах Валериана часты упоминания Тициана и Паоло. Одно из стихотворений так и называется: «Паоло Яшвили и Тициан Табидзе». В свою очередь Паоло и Тициан несколько своих стихотворений посвятили Валериану.

Очень тяжело переживал Валериан трагическую гибель Паоло Яшвили. Помню такой случай, связанный с теми ужасными днями. Вечером я зашла

к нашим. Валериан был занят каким-то совершенно непривычным для него делом. Кажется, гадил свой галстук. Мы с сестрой тихо разговаривали. Вдруг Валериан выронил из рук утюг, опустился на стул и разрыдался. Трагическая смерть ближайших друзей, конечно же, ускорила наступление грозной сердечной болезни, сведшей его через несколько лет в могилу.

Ближайшими друзьями Валериана были также Али Арсенишвили, с которым он особенно сблизился в годы студенчества в Москве (ему он посвятил одно из стихотворений), Николо Мицишвили, Харитон Вардошвили, Шалва Апхаидзе, Сандро Шаншишвили, Ражден Гветадзе, Серго Клдиашвили и особенно Колау Надирадзе, которого он очень любил и который впоследствии, после смерти Валериана, посвятил его памяти глубоко прочувствованное стихотворение.

Не могу судить о взаимоотношениях с Григолом Робакидзе, ибо они имели место еще до моего знакомства с Валерианом, но должна заметить, что в архиве Валериана хранятся два интереснейших письма Робакидзе к Валериану, датированные 1919 и 1921 годами. Их содержание не оставляет сомнений в глубоком уважении и высоких коллегиальных чувствах писателя к своему собрату по перу.

Как известно, именно Григол Робакидзе и Валериан Гаприндашвили стояли у истоков грузинского литературного символизма, и я представляю себе, что их объединяли не только блестящая эрудиция и утонченный вкус, но и подлинный европеизм духа.

Свое уважение к Г.Робакидзе Валериан подтвердил переводом его стихотворений «Поэту Франции» и «Эшафот на частоколе» на русский язык (см. сборник «Поэты Грузии», составитель Н.Мицишвили, Тбилиси, 1921).

Хочу вспомнить младшего друга Валериана автора превосходного перевода на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» Пантелеймона, или, как его называли близкие, Тосю Петренко, с которым он особенно сдружился в начале 30-х годов. Почти каждый вечер Петренко был гостем Валериана. Талантливый поэт, он был также наделен незаурядным даром художника, свидетельством чего могут служить его несколько сохранившихся работ и дружеских шаржей. Никогда не забуду, с каким мастерством разрисовал он стену в квартире Валериана в Театральной переулке (ныне улица В. Абашидзе. Между прочим, в этой квартире до того жили Ладо Мехишвили, а затем Васо Абашидзе). Это было настоящее живописное панно, которому очень подошло бы название «Современный Парнас». Здесь были известные зарубежные, русские и грузинские поэты, среди которых запомнились Рембо, Верхарн, Бодлер, Э. По, Брюсов (кажется, Блок), П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, сам Петренко и другие. Панно было решено в синих, голубых, черных, серых и светлооранжевых тонах и выполнено в полусюрреалистической, как мне представляется, манере. Короче говоря, эта уникальная «фреска» была отмечена печатью удивительного таланта, вкуса и поэтической фантазии ее автора. (Увы, иначе, видимо, думал следующий хозяин этой квартиры, тотчас же перекрасивший стену). А в день трагической гибели 27-летнего Тоси Петренко в мае 1936 года я впервые увидела слезы на глазах Валериана.

Из русских писателей наиболее близок был Валериану Борис Пастернак, о чем я уже говорила выше. Известно также, что дружеские отношения установились у «голубороговцев» с Сергеем Есениным в период его недолгого пребывания в Грузии в 1921 году. В письме к Тициану Табидзе Есенин просил передать привет «моим добрым друзьям — Паоло, Леонидзе и Гаприндашвили» (см. книгу Г. Цуриковой «Тициан Та-

бидзе»). Хорошие отношения связывали Валериана с К. Фециным, который в свой приезд в Тбилиси (1937) не раз был в гостях у Валериана вместе с супругой, а также известными переводчиками Бриком и Лифшицем.

Несколько стихотворений Валериана перевел О.Мандельштам, с которым он познакомился в 1920 году, когда тот ненадолго приезжал в Тбилиси, а сблизился с ним в следующий, более длительный приезд Осипа Эмильевича в 1921 году. В том же году в Тбилиси была издана упомянутая выше книжка «Поэты Грузии», где помещены два стихотворения Гаприндашвили — «Куафер» и «Пятый закат» в переводах Мандельштама.

Как мне рассказывала моя сестра Ирина, познакомившаяся с Мандельштамом в начале 30-х годов, оба поэта относились друг к другу с большой симпатией, и Осип Эмильевич, как-то побывавший у них в гостях, очень удивил всех, прочитав наизусть два стихотворения Валериана.

Среди близких друзей нашей семьи не могу не упомянуть известного грузинского педагога, основателя Музея детской игрушки (ныне, к сожалению, не существующего) Тинатин (Тико) Ильиничну Туманишвили — человека необыкновенно тонкого, редких душевных качеств.

Хочу помянуть добрым словом ближайших и любимых родственников Валериана: его сестер, ныне покойных Варвару и Нину, брата Датико, зятя — известного врача Александра (Сашу) Канделаки. Они буквально не отходили от постели больного Валериана, облегчали ему физические и нравственные страдания, скрашивали последние месяцы жизни.

Нежной любовью любил Валериан детей, без конца одаривал их сладостями, игрушками, книжками. Характерно, что всем детям нашей семьи он посвятил стихи: своей дочери «Письмо Нине», племяннице — К. Канделаки — «Моей Кето» (оба опубликованы), дочери Тамары Чавчавадзе Лике — «Лика и море» и моему сыну Гулбату шутивное стихотворение «Знаменитому охотнику Гулико Торадзе».

30-е годы в жизни Валериана были насыщены интенсивной творческой и общественной деятельностью в Союзе писателей Грузии (в 1934-1939 гг. он состоял ответственным секретарем и заведующим секцией художественного перевода). Ему часто поручали ответственные выступления на различных творческих форумах. В 1931-1937 гг. Валериан несколько раз ездил в Москву. На Всесоюзной конференции переводчиков (январь 1936) его выступление произвело большое впечатление. После окончания конференции на одну неделю он поехал вместе с женой в Ленинград.

Первый приступ грозного заболевания — сердечной астмы он испытал 11 июня 1937 года. Надо ли объяснять, что ускорило ее наступление?

Привожу записи из дневника своей сестры Ирины: «Осенью 1938 года Валериан начал было ходить в Союз писателей, но вскоре пришлось перестать. Серьезные приступы стали повторяться все чаще. Ему предписали строгий режим, назначили лекарства. Я высказала мысль поехать к морю. Врачи разрешили, и в январе мы выехали в Батуми. Председатель Союза писателей Аджария Пармен Лория отнесся к нам с исключительным вниманием. Нас поместили в лучший санаторий, каждый день к нам приходили писатели. Постепенно положение улучшилось, но по возвращении в Тбилиси ему пришлось снова лечь в постель почти на два месяца. Лето 1939 года мы провели в Сурами, где нас опекал писатель Д. Сулиашвили. Казалось, больной пошел на поправку. Валериан снова стал ходить в Союз писателей. Следующим

летом снова поехали в Сурами. В это лето Валериан много писал, создал несколько лучших своих поздних стихотворений: «Думы о стихах», «Детство и туманы» и другие. По заказу театра им. Марджанишвили начал переводить «Рюю Блаза». Окончил работу в декабре. Однажды, когда в гостях у нас был постановщик спектакля В. Кушиташвили, с Валерианом случился сердечный приступ. Новый год он встретил в сравнительно хорошем состоянии. Написал стихотворение («1 января 1941 года»), оказавшееся последним в его жизни. В эти дни Валериан часто перечитывал биографии известных поэтов и свои старые стихи. Говорил: «Иногда начинаю сомневаться в себе, как в поэте». Но, видимо, чтение успокаивало его. Повторял слова А. Мюссе: «Я пью из маленького, но своего бокала».

К концу января стал чувствовать себя все хуже, временами терял сознание. В ночь на 31 января Валериана не стало. Панихиды состоялись на квартире Валериана по проспекту Руставели. Помню горячо оплакивавших его К. Надирадзе, С. Чиковани, Г. Кикодзе, Л. Асатиани, Р. Гветадзе, Х. Вардошвили. В газетах от 1 и 2 февраля публиковались некрологи. Хоронили Валериана из Союза писателей на кладбище в Ваке. А через год его останки перенесли в Дидубийский пантеон.

Спустя месяц после кончины поэта в зале Союза писателей состоялся вечер его памяти. Тамара Чав-

М. Чавчавадзе-Торадзе, Г. Торадзе с сыном Гулбатом. 1938

чавадзе прочла известное стихотворение Валериана «Такой стих». После заключительной строфы: Такою песню сложить хочу я, / Чтобы венчала конец дороги, / И верю, что землю мою родную / Тронет мой глас, чистый и строгий, — (перевод Л. Хаиндрава) весь зал, затаив дыхание слушавший артистку, словно по мановению руки волшебника, в едином порыве поднялся со стульев и устроил ей овацию.

Глаза многих присутствовавших туманили слезы. И дух безвременно скончавшегося поэта витал, наврное, тогда в зале.

Мери ЧАВЧАВАДЗЕ-ТОРАДЗЕ

ПОСЛЕДНИЙ ДОЗОРНЫЙ

Ушел Александр Межиров. Ушел и закрыл за собой дверь в эпоху «властителей дум», когда поэзия была счастливым и тяжелым уделом немногих избранных, чьи имена - наперечет и на слуху, когда любители поэзии были, в первую очередь, внимательными и трепетными читателями, взволнованно листающими и рукописи, и самиздатские журналы, и, конечно, книги – живые источники, наполненные запахами типографской краски, то библиотечной влажности, то пыли старых книжных шкафов-долгожителей...

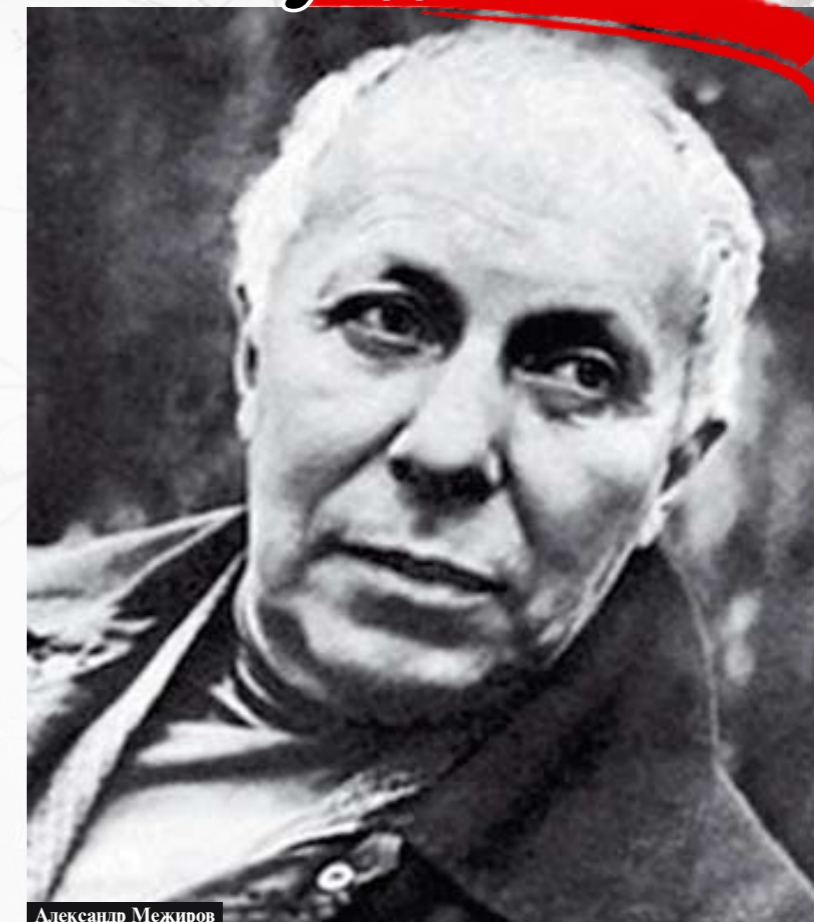
Поэзия Межирова – это не мейнстрим, а альтернатива ему; это не день сегодняшний, вообще не «день», а время; это последний пример старомодного (в высоком смысле этого слова) мастерства, проповедующего единство ремесла и духа, разума и сердца, подчиняющегося «деспотизму формы» и не признающего над собой власти иного «деспота». Но главное – это поэзия, прошедшая, если воспользоваться словами самого поэта, сказанными по другому поводу, «самое грозное испытание – испытание простотой». Это проверка постулатом о подлинности Поэзии, который сформулировал Пастернак. Это укол зонтиком для замысловато расписанного воздушного шарика, из которого с оглушающим свистом вылетает пустота. А Межиров знай себе плывет дальше на своем цепелине...

Он родился в Москве в 1923 году. Семья (у отца было два высших образования - медицинское и юридическое) дала ему исключительно гуманитарное образование. За несколько дней до начала войны семнадцатилетний Межиров прочитал в собрании историков доклад о роли Мирабо в Великой французской революции. Он ушел на фронт, попав на войну сразу после десятилетки, и война потрясла его – не только как страшный пример физического крушения реального мира, но и как неслыханная моральная катастрофа. Именно это потрясение сделало поэтами Межирова, Самойлова, Слуцкого, Гудзенко, Кульчицкого... Именно они стали предтечей поэтов-шестидесятников. Ахмадулина причисляет Межирова к учителям поколения: «Он сначала иронически относился к нашему поколению, а затем с пылкостью и азартом поддерживал и одобрял. Мы учились у него и благодарны ему за все, что он сделал для русской словесности».

Межиров был намного старше своих учеников – на Великую Отечественную войну, а значит - на целое миропонимание, ведь вернувшись с фронта, «все капитаны, лейтенанты, рядовые привнесли в мирную жизнь нравственный золотой стандарт – критерии, выработанные на войне» (П. Ролберг, профессор русской литературы Университета Джорджа Вашингтона).

После тяжелого ранения в 1943 году Межиров был комиссован в звании младшего лейтенанта. Тогда же поступил в Литературный институт.

В 1946 году Межиров, не таясь цитировавший Библию чуть ли не целыми главами, стихотворения любимой им Ахматовой, других опальных поэтов, попал в резолюцию по ждановскому постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград». Пришлось уехать из Москвы. Местом «добровольной» ссылки стала Рига. Спустя год с небольшим поэт вернулся в Москву. В 1947 году вышла его первая книга «Дорога далека», а за все долгие годы его поэтического, авторского и

Александр Межиров

переводческого труда было издано более двадцати сборников.

Как-то так сложилось, что самыми известными считаются два стихотворения поэта, которые небезупречно принято противопоставлять друг другу: «Коммунисты, вперед!» и «Мы под Колпино скопом стоим. Артиллерия бьет по своим». Иногда к «Коммунистам» относятся и как к «охранной грамоте» в советское время, и как к несмыслимому «клейму» соглашателя с властью... Эти представления, думается, ошибочны. «Охранная грамота» не сработала – за год до смерти Сталина Межиров был исключен из партии за разговоры о своих любимых писателях К. Леонтьеве и В. Розанове и за высказанное им восторженное мнение о русской иконописи. В написании «Коммунистов» Межиров никогда не раскаивался, в первую очередь потому, что сам вступил в партию в окопах, в 1943-м, и о том, что перед боем беспартийные солдаты писали заявления «прошу считать меня коммунистом», знал не понаслышке – это было для него фактом реальной жизни, который, в силу своей абсолютной, прочувствованной достоверности, не мог быть поэтической метафорой. Он написал об этом, как слышал, как дышал... Внимательный читатель давно уже заметил скрытую переключку «Коммунистов» со стихотворением О. Мандельштама «За гремящую доблесть грядущих веков...» А «Артиллерия», по сути, вскрывала самую суть сталинизма.

Перу молодого Межирова принадлежит и еще одно, ставшее легендарным, стихотворение «Я сплю, подложив под голову Синявинские болота...» Не по принципам ли этой фантастической и зримо-конкретной образности на грани реальности и вымысла, бесстрашного, по-хозяйски властного отношения к поэтике написано великое стихотворение Владимира Высоцкого «Мы возвращаем Землю»?

Валериан Гаприндашвили (справа) с супругой Ириной Чавчавадзе, Тamarой Чавчавадзе, Пьером и Тите Кобахидзе. 1938

ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ

КУТАИС В ВЕТРЕНУЮ ПОГОДУ

Причудливо в ветреный день в Кутаисе,
Когда он сапфирною бурей взбит.
Не город, завешенный вихрем, роится, —
Рой призраков в воздухе пыльном клубит.

Столбы меловые гарцуют, как кони.
На них три наездницы в седлах для дам.
К Джоконде, Корделии и Дездемоне
Лечу с перекрестка по жарким следам.

Вон, руки ломая, кричат, как павлины,
Русалки, поднявшись на гребнях песка.
Но вихрь обращает их в искры пылинок
И вновь перестраивает облака.

Проходят поэты, мелькают и меркнут.
Вот с беркутом на рукавице Эдгар.
Вот в облаке мусора, взвившемся кверху,
Рембо от Верлена, в их ссоры разгар.

Загадки Египта дымятся в самуме,
Сшибаются, тонут и кличут в пыли:
Да здравствуют громкие выси безумья,
Внизу мы ужиться в тиши не могли.

А серый огонь все шумней и шумнее,
Вон с бритвой цирюльник за Гамлетом вслед.
И вот уж в огне не одна Саломея,
А весь серо-пламенный кордебалет.

А вихрь все пуше. Остались кладбища,
И там-то подавно ему благодать.
Для ветра найдется богатая пища,
Чтоб хаосу подлинность нашу придать.

И все же, есть грех, и не в силах таиться:
Чарует меня этот встрепанный вид
Набитого призраками Кутаиса,
Когда в нем сапфирновый ветер кипит.

1917

Перевод Б. Пастернака

КОНСТАНТИНУ БАЛЬМОНТУ

Всех стран и всех веков тебе подвластны чары,
Ты миром как вином и как загадкой пьян,
Певец мгновения, огнепоклонник ярый,
Влюбленный в тишину и звонкий океан,

Искатель жемчугов и златорунных стран.
Порою ты дитя, порою викинг старый,
Ты — ослепительный! Достойной нет тиары,
Чтобы венчать тебя, пленительный баян.

Ты щедро дивные свои рассыпал трели,
Чтоб в звуках сладостных и легких воссоздать
Божественную мощь и пламя Руставели.

Коня поэзии тебе дано взнуздать.
Летишь на скакуне к своей мечте заветной
Сквозь вихрь, окутанный вуалью огнецветной.

1915

Авторский текст

ЭМИЛЮ ВЕРХАРНУ

Средь грозных призраков, сопутствующих мне
В великолепье дня и в бездне ночи скромной,
Одним лишь обликом я опьянен вполне,
То облик твой, — Верхарн, галлюцинат бездомный!

О лебедь города, чьи крылья неистомны,
Всегда стремящийся к хрустальной глубине
Безумий роковых, но преданных луне,
И ты в моих мечтах разбился тенью темной!

Глухонемая смерть, кровавый твой двойник,
Тебе предстала там, между вагонов ярых,
И вновь развеялась в блистательных кошмарах!

И ты в сапфирном от нас ушел тайник,
Но где бы ни был ты, в ветрах или в зефире, —
Одной торжественной могилкой больше в мире!

1916

Авторский текст

Жизнь свою Межиров прожил так, что не вошел ни в одну группу, не принадлежал ни к одному направлению, всегда был сам по себе. За долгие годы он умудрился не обидеть никого из своих коллег – так происходит, когда поэт идет своей дорогой, не посягая и даже не поглядывая на другие тропинки. Какое время его причисляли к «обойме» поэтов-фронтовиков. «Это определение тяготило чуть ли не всех, к кому его было принято относить, – заметил литературовед и историк С. Лесневский. – Это было что-то вроде клички, ограничивающей поэта, стремящегося быть вне всяких классификаций». Из этого определения Межиров, конечно, выломился, не только потому, что был, по общему признанию, гораздо образованнее прочих, но и поскольку хотел писать и писал не о войне в жизни человека, но о жизни со всеми ее человеческими проявлениями в мире и войне, в отчаянии и успокоении, о наградах и карах, иногда – о любви и всегда – об одиночестве. Обладая невероятным чутьем на конкретную фактуру, обостренным вкусом к реальности, он был поэтом вымысла, воображения и мистификации. Мистификатором и мастером фантазии он был и в жизни. Межиров не отворачивался от реальности, просто давал вымыслу возможность стать реальностью. Не случайно более всего он ценил в поэте чувство свободы, а по прочтении собственных стихов близким, друзьям, всегда спрашивал: «Ну как, есть мировой воздух?»

У него была репутация. Но ее невозможно было определить словами однозначно, безусловно. Автор оставался неуловим, многолик. Он не договаривал, удивлял, был непредсказуем. Даже близкие знакомые отзывались о нем по-разному – вдохновенный творец и вдохновенный игрок, искренний собеседник и неприветливый затворник, правдолюб и выдумщик, бесребренник и соглашатель, бескорыстный покровитель молодых и непримиримый скептик...

Но вот – примеры и случаи. Когда в 1987 году И. Бродский получил Нобелевскую премию по литературе, и в СССР многие чуть ли не возопили – а я, а мы? – Межиров, один из немногих поэтов, от всего сердца признавая справедливость высочайшей награды, заметил возмущавшемуся Евгению Евтушенко: «Чего вы хотите, Женя? Бродский отдал поэзии 100 процентов, а вы, наверно, пять».

Межиров никогда не отрицал трагического несчастья в своей жизни – он сбил, находясь за рулем своей машины, пешехода, позднее скончавшегося от травм, а сам скрылся с места аварии, не оказав пострадавшему помощи. Упоминание об этом ужасном случае попало во все источники информации о поэте. Но почти никто не знает, что на самом деле за рулем автомобиля Межирова находился не он сам, а близкий ему человек. Поэт взял чужую вину на себя. Также в подобной ситуации позднее поступит М. Таривердиев.

Не стоит, наверно, слушать все рассказы-рассказки о нем, а вот читать его стихи – стоит.

В год появления первой книжки Межирова в его жизнь навсегда вошла Грузия. В 1947 году он приехал в Грузию впервые, и полюбил ее сразу, глубоко, всем сердцем, на всю оставшуюся жизнь... Он приезжал сюда часто, жил месяцами – отдыхал, писал, общался с друзьями – Ираклием Абашидзе, Симоном Чиковани, Георгием Леонидзе, сражался на бильярде со знаменитыми сухумскими игроками, переводил... Вот свидетельство одного из очевидцев, В. Моценко: «1958 год, Тбилиси – тогдашняя литературная Мекка страны. Грузинские лирики со стопками подстрочников буквально выстроились в очередь к тридцатисемилетнему Александру Межирову, приехавшему из Москвы на целое лето в сказочный город. Это был

ажитаж»...

Межиров немало написал о Грузии и переводил – безмерно, упоенно, блестяще. Это стало его глубоким увлечением. Он издал четыре сборника переводов грузинских поэтов («Теснина» – самый знаменитый из них), был удостоен Государственной премии Грузии и на равных с Н. Тихоновым, П. Антокольским, Н. Заболоцким вошел в число великих русских переводчиков грузинской поэзии.

Грузия обожала Межирова. В Тбилиси о нем знали все, половина города – общалась лично, половина – складывала о нем истории и легенды. Межиров очень любил Грузию. Он относился к ней с восхищением Колумба, высаживающегося на Карибах, и щедро, с гордостью первооткрывателя и хозяина делился своим восторгом с другими. Как часто, благодаря именно Межирову, современники заново или впервые (но всегда с радостью и удивлением) открывали для себя Грузию!.. «Меня, юного выкорышка окружной газеты Межиров ставил в тупик. Я специально брал командировку и ездил в Чиатуру, чтобы отыскать то место, где, по его словам, «молния с неба упала, черный тополь спалила дотла и под черной землей перевала глубоко своей огонь погребла»... Через межировскую поэзию у меня произошло более глубокое и интимное открытие Тбилиси, настолько органично впитала она в себя «военный госпиталь в Навтлуге, трамвайных рельс крутые дуги», «подъем Чавчавадзе сквозь крики: бади-буди, мацони, тута...», набитый битком автобус, который «в нос шибает и дышит в затылок чахохбили, чачой, чесноком», «луны бутылочное дно над городом Галактиона», Театральный переулок, «Верийский спуск в снегу», «город около зари», падающий вниз, к Куре...» – как благодарен Владимир Моценко Александру Межирову за его «грузинские» стихи – великий «путеводитель» по Тбилиси и Грузии!

Межиров обожал цирк, писал о нем, фантазировал, что его мать была воздушной гимнасткой, а отец работал на арене номер с шестом. Для автора «Баллады о цирке» манеж был воплощением места совершенной свободы и персональной независимости в несвободной стране. Грузинские друзья знали о пристрастиях Межирова. Знали и о цирке. «Однажды мы с Межировым были в Грузии, где его обожали, ведь он перевел почти всю грузинскую классику, – вспоминал Виталий Коротич. – В три часа ночи у меня раздался телефонный звонок Нодара Думбадзе: «Виталий, Саша Межиров позвонил и сказал, что ему скучно. Я придумал, что сделать»...

У моря работал летний цирк-шапито. Мы пришли туда. В центре был накрыт стол. Все как положено: шашлык-башлык-вино, а по кругу ездил мотоциклист – прямо по стене (был в цирке такой номер). Представляете, сколько стоило, чтобы он полчаса ездил!

Саша был в полном восторге. Нодар задыхался, со своей стенокардией он был еле живой. На следующий день Межиров улетел в Москву. Я остался, и узнал, что у Нодара случился инфаркт...»

В 80-е годы Межиров перестал переводить грузинскую поэзию, и именно это стало для близких основным сигналом о неблагоприятном душевном состоянии поэта, ведь он отказался от одного из самых сильных своих увлечений. А причины для потягиваний были. Межиров был оскорблен явлениями антисемитизма и в литературной жизни, и в обычной повседневности. Ему пришлось пережить неблагодарность и даже предательство тех, кого он поддерживал и наставлял, выслушивать несправедливые обвинения и подозрения... Поэт, который всегда стоял в стороне и от литературных группировок, и от всякого подобия не только интриг и козней, но даже от конфликтов, вдруг

оказался вовлечен в порочный круг околопоэтических распри и клеветы. Неприязнь писательской братии к независимому и удачливому поэту из тайной стала явной. (Рискну признаться, что автору этой статьи стало нехорошо просто от чтения некоторых пасквилей на Межирова. Каково же было пережить это самому, испытать на себе!)

Межиров, никогда всерьез не помышлявший об эмиграции, решил покинуть Россию. Он не собирался уезжать далеко. Вспомнив свою давнюю привязанность – Латвию, поэт собирался купить небольшой дом на Рижском взморье. Но грянули прибалтийские события, и Межиров вместо Юрмалы отправился в США, где проживала его дочь Зоя.

Поэт жил в Нью-Йорке, на Манхэттене. Он появлялся на литературных встречах, публиковался, в основном, в журнале «Слово/Word», созданном при участии С. Довлатова и И. Бродского, и продолжал

Одна из последних фотографий А.Межирова

писать о стране, за которую воевал.

Он предполагал вернуться и не вернулся. Вернулись те, которые клялись, что уезжают навсегда. Уехать – это мужество или легкий способ разрешить неразрешимое? В разговоре с литератором А. Ольбиком Межиров вспоминал: «Перед тем, как было назначено это страшное собрание по исключению Пастернака, я пришел к Слуцкому и сказал: «У меня есть два билета в Тбилиси, и нам надо немедленно улететь, ибо нас завтра могут вызвать, и мы по Уставу будем обязаны подчиниться и выступить против Пастернака. А выступать я не могу. Я просто умру, если это сделаю». На это Слуцкий мне сказал: «Саша, вы

паникер». И он остался в Москве, а я улетел в Тбилиси. Подумаешь, скажете вы, какое великое мужество – удрать с собрания... И что, надо было бы там выступить и сказать его организаторам – что же вы, негодяи, делаете?... Наивность...»

Межиров уехал навсегда, не объяснившись. И ушел навсегда, не простившись.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Александр МЕЖИРОВ (1923-2009)

АВТОБУС

Вновь подъем Чавчавадзе сквозь крики:
Бади-буди, мацони, тута...
Снова воздух блаженный и дикий, -
Нам уже не подняться туда.

Но в густом перезвоне бутылок
Прет автобус, набитый битком,
В нос шибает и дышит в затылок
Чахохбили, чачой, чесноком.

Снова стирка – и пена по локоть.
Навесных галерей полукруг,
Где ничем невозможно растрогать
Неподвижно сидящих старух.

А в железных воротах ни щели, -
Лишь откроется дверка на миг,
Да автобус ползет еле-еле
Закоулками и напрямик.

Он достигнет вершины подъема
И покатится глухо назад.
Снова милые женщины дома
Из распахнутых окон глядят.

Из распахнутых окон, как вызов,
Над подъемом склонились они
Так, что груди свисают с карнизов,
А прекрасные лица в тени.

Г.Маргвелашвили

Верийский спуск в снегу.
Согреемся немного
И потолкуем. Вот кафе «Метро».
О Корбюзье, твое дитя мертво,
Стеклянный домик выглядит убого.

В содружестве железа и стекла
Мы кофе пьем, содвинув два стола.
Курдянка-девочка с безуминкой во взгляде
Нам по четвертой чашке принесла
И, слушая, таится где-то сзади.

О, на какой загубленной лозе
Возрос коньяк, что стоит восемь гривен?!
Продолжим разговор о Корбюзье:
Ну, да, конечно, я консервативен.

Ну да, светло, тепло – и вместе с тем
Душа тоскует о старье и ламе, -
Свет фонаря в любом убогом храме
Куда светлей, чем свет из этих стен.

Вот какова архитектура храма:
Через фонарь в округлом потолке

ОТТЕНКИ НОЧИ

На человека небо смотрит прямо,
И с небом храм всегда накортке.

Свет фонаря в пределы храма с неба
Является, как истина сама.
Смотри, как много навалило снега.
Верийский спуск. Зима, зима, зима ...

ПЕСЕНКА САГУРАМО

Незнакомая страна...
Родниковая струна
День и ночь звенит под камнем
Возле самого окна.

Горы около зари.
Рассветает ровно в три.
Ветерки над Сагурамо –
Облаков поводыри.

Дремлет подле родника
Погруженная в века
Кахетинская посуда,
Захмелевшая слегка.

Незнакомые края...
Родниковая струя
День и ночь о камень точит
Ледяные лезвия.

ТВЕРДЫНЯ

Гремит листва над кроной Зедазени*,
И повременно изменяя цвет,
Лесистых скал природные ступени
Спускаются к Тбилиси и на Мцхет.

На Зедазени храм стоит веселый,
Есть виноградный сок в монастыре,
И, этим соком рог наполнив полей,
Монах молебны служит на заре.

Он здесь живет, постов не соблюдая,
Стареет, и, наверно, потому
Во сне одна грузинка молодая
По вечерам является ему.

А я стою перед замшелой дверью,
Запоминаю, слушаю, смотрю.
Монашеской молитве я не верю,
Не верю ни на грош монастырю.

Когда над храмом с грохотом теснится
И зажигает молнии гроза,
Я вижу не иконы, а бойницы
И амбразуры, а не образа.

Как здесь монах смирит свою гордыню,
Когда вокруг не тишина, а бой!
Не монастырь, а древнюю твердыню
Я вижу в час грозы перед собой.

И не смолкает гул раскатов зычных,
Где в полуразвалившихся стенах
Ютится неразгаданный язычник,
Скорее ратник, нежели монах.

* Зедазени - гора близ Тбилиси.

Черные холсты, скудная цветовая гамма, претензия на наивное искусство. Минимальные средства и максимально философский смысл. В предзакатном освещении маленькая галерея Байи на Шардена затягивает в себя как в омут.

Как всегда уловив пульсацию времени, госпожа Цикоридзе на этот раз предложила публике выставку работ художника Вахо Бугадзе – «Минотавр – Куда плывет корабль?»

Утрированно высокий для столь маленького помещения, с тревожным ожиданием на лице, автор принимал поздравления коллег. Он хорошо известен в Грузии и за рубежом. Более двух десятков выставок за последние пятнадцать лет. Любим коллегам и обласкан публикой. Его работы прекрасно звучат на персональных и групповых выставках, в чопорной национальной галерее и на развалинах старого дома, а так же на плэньере. Но на этот раз, похоже, художник заглянул слишком глубоко. Он исследовал тьму!

Мы переживаем темные времена. Сколько уж лет бредем в сумерках злости, испытывая глубокую тревогу, неопределенность и страх за будущее. Художники – люди творческие, раньше и острее ощущают действительность и выплескивают эмоции на полотно. Но некоторые из них исследуют природу страха и печали, и лишь потом берут в руки кисть.

- Вы все туда – как бы говорят картины Бугадзе, - а я оттуда! И там не так и страшно!

Тьма ночи на полотнах художника отнюдь не пуста. В ней парят лунатики, покачиваются как на волнах светящиеся лампы-маяки, бредут дети – призраки с припухшими лицами заспиртованных младенцев. Иногда приподнимается полог ночи, а за ним желтое мистическое сияние луны, от которого кружится голова и подташнивает. Становится понятно, почему в нашей дневной жизни Луна-парк зовут сад аттракционов. Исследуя печали, художник слегка касается русской темы. Его сказочный Иванушка под гнетом Кощея пронзительно трагичен.

Автор глубже погружается во тьму к самым древним ужасам человечества. Вот дракон – олицетворяющий власть у кельтов, римских и китайских императоров. Он

же - древний символ первозданной силы Земли, вступивший в битву с Творцом.

У каждого народа он свой, но всегда отвратителен. На полотне художника, как в древней шумерской культуре – птичьих крылья, львиная голова в оперении. Омерзительно жалкое поверженное существо – то ли дракон, то ли белый петух.

Но выставка называется «Минотавр». И он главный предмет исследования. Чудовище с телом человека и головой быка, порожденное пороком. Хозяин Лабиринта, пожирающий по легенде семь юношей и девушек, регулярно посылаемых в жертву из Афин. Древний символ неотвратимости зла и непреодолимого препятствия.

На картинах художника Минотавр иной. Он узник своей тюрьмы-лабиринта.

Одиночество абсолютной власти и вселенская скорбь, как в застывших глазах отрубленных бычьих голов у мясной лавки, изображены на полотне.

Каждый Минотавр знает и ждет, что рано или поздно придет Тесей и повергнет его одним ударом кулака. Одиночество власти, граничащее с сумасшествием, наконец-то, закончится. Ну, а те юноши и девушки, бродившие по Лабиринту в ожидании смерти, очевидно никогда и не доходили до него, а погибали от собственных страхов. Интересно, откуда взялась в древних легендах эта цифра семь? Не божественная ли это метка? Не стандартный ли процент психических заболеваний для каждого молодого поколения?

Покончив с Минотавром, художник деликатно исследует тему вселенской скорби.

Пьета – оплакивающая Христа – Мать над убитым сыном. И неожиданное решение! Розовые силуэты скорбящей матери и распростертого перед ней сына на черном фоне тьмы звучат зарею нового дня. И лишь бесильная желтая рука еще цепляется за страхи ночи.

Что же готовит нам новый день? Куда же плывет Корабль? А Корабль Вахо Бугадзе плывет в завтра. Крепчает ветер перемен и надувает паруса. А они могут быть любыми – джинсовыми, маячными, вязанными – как на полотнах художника. Главное, что паруса уже подняты, а страхов больше нет!

Ирина МАСТИЦКАЯ

Омар Пхакадзе

МОЛНИЯ НА ТРЕКЕ

Хареба и Гоги шли берегом Алазани и спрашивали друг у друга, какая сторона лучше. И сказал Гоги: «Лучше всего в Напареули». «Нет, — отвечал Хареба, — лучше всего в Магаранском лесу». И спокойней там, дескать, и люди лучше, и пировать в лесу лучше.

События давно минувших дней стали нам близки и понятны через волшебство кинематографа и его признанного мастера Георгия Шенгелая, задумавшего и снявшего историко-приключенческий фильм «Хареба и Гоги» о добрых разбойниках-правдоискателях, помогающих беднякам. Успех этого фильма, лауреата международного конкурса, был изначально предопределен, хотя бы потому, что роли были с блеском исполнены людьми богатырской силы и удали, любимцами народа, как их реальные прототипы.

Когда кинорежиссера спросили, почему главные роли поручены Левану Тедиашвили и Омару Пхакадзе, он ответил, что виновата старинная фотография начала прошлого столетия, которую он обнаружил в Алазанской долине. Чем больше Шенгелая вглядывался в фотографию, тем больше его покорила мощь, удаль, непреклонность, которые выражали лица Хареба Джибути и Гоги Кенкешвили. И понимал, как трудно будет найти среди знакомых актеров людей, способных достоверно передать их характеры. Пробы

подтвердили первоначальное мнение Шенгелая. И тогда, перебрав варианты, он предложил спортсменам сниматься в кино.

Кроме Левана Тедиашвили и Омара Пхакадзе, в фильме заняты еще два чемпиона мира по классической борьбе — Михаил Саладзе и Автандил Майсурадзе, помощники Харебы и Гоги, бывший слесарь по прозвищу Дядя и духанщик Ило. Они и еще три молодца — Жоржик, Залик и Черт Его Знает — составили отряд «Ребята».

Жители окрестных сел переживали за полюбившихся киногероев, наперебой приглашали артистов на шашлыки в свои дома. Когда Леван в костюме Гоги откликнулся на очередное приглашение — старики замерли от неожиданности, настолько удивительно было сходство с реальным персонажем, предводителем этих грузинских Робин Гудов, друзей простого люда, гибель которых по сей день осаднит их сердца.

Бывало звонит Гоги после окончания съемок на квартиру друга: «Хареба дома?» — «Хареба нет, — отвечает ему хозяйка знаменитая грузинская гимнастка Донара Джанукашвили, — есть Омар Пхакадзе». И Леван Тедиашвили, а это был он, добродушно смеялся собственной шутке.

Прежде чем подружиться, сошлись оба перед камерой в борцовском поединке, в котором ни один не уступил другому в силе и ловкости. Омар Пхакадзе, чемпион мира, но в велосипедном спринте, достойно ассистировал двукратному олимпийскому чемпиону в вольной борьбе.

С Омаром никаких проблем не возникало, вспоминал Леван. Всего три минуты объяснял ему пала-

ван палаванов, что и как надо делать, и приступили к съемке. Велосипедист действовал превосходно, в одном дубле — а их было семнадцать — провел блестящий бросок, после которого Леван с трудом поднялся на ноги. Впрочем, обиды он на друга не держал, признал, что, при своей талантливости, займись Пхакадзе борьбой, и тут бы стал чемпионом.

Силой он действительно был наделен богатырской. При собственном весе 91 кг смотрелся тяжеловатым на полотне трека, но стоило ему разогнаться, летел, как снаряд, сметая все на пути, неустойчивый на крыльях победы. Велосипеды прогибались под ним, он ломал их, а они — его, прозванного тигром велосипедного спринта, знавшего триумфальные победы над гонщиками Франции и Италии и горечь разочарований.

Он вышел из бедной рабочей семьи. Отец инвалид, искалеченный в керченской кровавой мясорубке, умер, когда Омару исполнилось пятнадцать. Мать Ангелина осталась с четырьмя детьми, и будущий чемпион знал, что может рассчитывать только на свои силы. В 15 лет начал заниматься велоспортом в секции тренера Джато Меписашвили.

На соревнованиях школьников на Кубок Грузии по шоссейным гонкам внимание Гурама Джохадзе привлек малоизвестный парнишка из Кутаиси, финишировавший первым. Надо было обладать богатой интуицией и опытом незаурядного тренера-селекционера, чтобы разглядеть в победителе будущего чемпиона. Гурам Джохадзе, сам еще молодой гонщик, заинтересованно следил за выступлениями кутаисца, а после его переезда в Тбилиси готовил своего подопечного, убеждая переходить с шоссе на трек, где наилучшим образом раскроются его способности.

Дальнейшие события подтвердили редкую одаренность молодого гонщика и мудрость наставника.

Гурам Джохадзе мог стать футболистом, как никак три года учебы в знаменитой тбилисской 35-й школе дорогого стоят. Тем более, если вспомнить, что его одноклассниками были Алеша Котрикадзе, Вахтанг Челидзе, Шалва Чрелашвили, то мечта верийского паренька надеть майку динамовца Тбилиси представлялась не такой уж фантастичной. Но, видимо, не судьба. Он перешел учиться в техникум физкультуры, здесь впервые оседлал гоночный велосипед. Звание заслуженного тренера СССР ему присвоили в 1965 году, когда его ученик Омар Пхакадзе стал чемпионом мира. А всего им подготовлено 49 мастеров спорта и мастеров спорта международного класса, два заслуженных мастера спорта СССР. Действительно, всех не припомнишь, а это — история отечественного велоспорта 1950-80 годов. И убеждало в этом даже беглое знакомство с домашним архивом наставника-ветерана, чемпиона и воспитателя чемпионов, где каждый снимок и газетная публикация — редкостная находка в современном обществе, когда мы стали забывать многое из того, что еще недавно было для каждого символом и предметом гордости.

Гурам шестнадцати лет пришел в секцию велоспорта, овладевал спортивным мастерством у тренеров Ивана Степанова и Аркадия Хабурзания, одновременно на общественных началах (каким анахронизмом звучит это сегодня!) обучал своих товарищей. Помогали ему в работе знания, полученные на факультете физического воспитания педагогического института. Попробовали мы с ним сосчитать, сколько раз Гурам Джохадзе выигрывал звание чемпиона Грузии в различных велосипедных дисциплинах, и сбился со счета — не меньше двадцати. Был чемпионом широкого профиля — от шоссейных гонок до спринта, выиграл даже первенство Закавказья по кроссу. В 1954-1957 годах входил в состав сборной команды Советского

Союза. Потом опыт общения с сильнейшими спринтерами оказал ему добрую службу в тбилисской спортивной школе-интернате и обществе «Динамо», где он начал работать тренером. Доскональное, на собственной соревновательной практике знание видов велоспорта позволяло ему точно угадывать спортивное будущее каждого воспитанника, помогало в работе.

Первый большой успех пришел к Омару Пхакадзе на III Спартакиаде народов СССР, когда он обыграл именитых спринтеров Москвы и Тулы, удостоился золотой медали. Двое учеников Гурама Джохадзе — Пхакадзе и Михаил Колюшев — стали участниками Олимпиады в Токио. А через год настал для обоих «звездный час» Сан-Себастьяна, где они стали чемпионами мира: Пхакадзе — в спринте, Колюшев — в командной гонке преследования на 4 км.

Сидели мы с Гурамом на его квартире во время той десятилетней давности встречи, перебирая документы и реликвии, когда я обнаружил письма Пхакадзе к своему «Николаевичу» (Джохадзе: «Омар не любил писать письма»), где он, будучи на соревнованиях, просит позаботиться о новых сборах и стартах,

Гурам Джохадзе и Омар Пхакадзе

и думал с грустью, как мало осталось у нас таких фанатиков спорта, тренеров-конструкторов, создателей, которыми он велик и вечен. И уже прощаясь с хозяином, спохватился, как мало, собственно говоря, он рассказал о себе, больше все о других, непрерываемый авторитет в мировом велоспорте, скромный труженик.

Напоследок я не удержался, спросил о трудностях с инвентарем — на каких велосипедах тренируются его ученики. И услышал в ответ: «Омар Пхакадзе был велик не только на треке. Он сохранил для Грузии две сотни трековых велосипедов, этот бесценный инвен-

тарь и сегодня помогает нам работать, готовить молодых спортсменов».

В двадцать лет Пхакадзе дебютировал на Токийской олимпиаде. И выбыл из одной восьмой финала, недовольный присужденным ему девятым местом, – золотая медаль чемпиона досталась Джованни Петтенелла, – еще не зная, что через год расправится со своими обидчиками: олимпийским чемпионом в спринте, его земляком Серджио Бьянкетто, чемпионом Римской и Токийской олимпиад в гонках на tandemax, с обоими великими французскими гонщиками Даниэлем Морелоном и Пьером Трантеном.

На полотне трека испанского приморского курорта Сан-Себастьян грянул гром его – Омара Пхакадзе – победы. Тбилисец первым в истории советского спринта стал сильнейшим на планете. На пути в финал он превзошел в скорости Даниэля Морелона, 3-кратного олимпийского чемпиона и 7-кратного чемпиона мира, самого быстрого полицейского Франции, кавалера ордена Почетного легиона.

Первый финальный заезд Омар проиграл итальянцу Джордано Туррини. Потом он скажет: «Может быть, это звучит странно, но именно после проигранного заезда я почувствовал, что могу победить. Надеждой, что это будет легко сделать, я не обольщался».

Это было мнение зрелого бойца, нашедшего себя в самом престижном виде трековых гонок, где одной силы недостаточно, а побеждают совершенная техника владения машиной, молниеносная, в сотые доли секунды, реакция на действия соперника, безгранич-

оказалась слишком тесной для его могучего торса. Восхищенный победой грузинского гонщика, Туррини назвал Омаром своего новорожденного сына, а Международная федерация спортивной прессы объявила Пхакадзе лучшим спортсменом 1965 года.

На Олимпиаде в Мехико 24-летний Пхакадзе впервые среди советских гонщиков пробился в квартет сильнейших на треке.

На велодроме спортивного городка Мишука, успешно пройдя предварительные и четвертьфинальные поединки, он в полуфинале сражался с Морелоном. В первом заезде, уже при выходе на финишную прямую, Омар обходил чемпиона мира, когда тот схватил его за майку. Морелона наказали, но можно представить, какая буря бушевала в груди тбилисеца, всегда отстаивающего честную спортивную борьбу. Оба следующих заезда были выиграны французом, ставшим олимпийским чемпионом по решению фотофиниша.

Серебряная и бронзовая медали – у Джордано Туррини и Пьера Трантена. Омар четвертый, ему не привыкать к гримасам спортивной судьбы.

Удивительная велосипедная карьера Пхакадзе вмещала десять лет безраздельного лидерства на всесоюзных чемпионатах, десять золотых медалей чемпиона страны. И еще не раз, по его мнению, он обязан был победить на чемпионатах мира. Нацеленный только на победу, занимал второе-третье места и воспринимал их, как крушение собственных планов. Этот спортивный максимализм изматывал душу и тело. За год до Олимпиады в Мехико он был фаворитом мирового первенства - 67,

но на тренировке упал шедший перед Омаром африканский велосипедист, и тбилисец не избежал падения и тяжелой травмы плеча. Он все же вышел на старт, но это был уже не тот Омар, готовый сокрушать асов спринта. Прощайте мечты о золоте «мира»!

Тогда его впервые назвали невезучим джентльменом трека. И самое удивительное: в это поверили руководители сборной команды, цвета которой он защищал свыше десяти лет. Бессменного чемпиона страны 1963-1973 годов, 4-кратного обладателя Кубка СССР (1963-1965, 1969), обладателя мировых рекордов, победителя Больших призов Тулы, Копенгагена, Берлина, где он сокрушал великих спринтеров Франции и Италии, посчитали неудачником.

Поездка Пхакадзе в Мюнхен была под большим вопросом даже после его очередной победы на первенстве СССР в Таллинне. Сезон 1972 года он практически пропускал. В конце концов руководители велоспорта вняли голосу разума, и велосипедный мир предвкушал

битву гигантов. Морелон потом признался, что побаивался матча с Пхакадзе за золотую медаль, а потому вздохнул с облегчением, когда наш гонщик проиграл полуфинальную встречу австралийцу Джону Никольсону. Теперь никто не в силах был остановить его победный рывок. Акции «банка Морелона» снова стали золотыми.

Пхакадзе заставил поволноваться, проиграв первый заезд финала за 3-е место голландцу Клаасу Балку. Но второй и третий заезды были им выиграны в старом добром стиле - смелой атакой и за счет тактической мудрости.

Бронзовая медаль Пхакадзе была первой у советских спринтеров за всю историю Олимпийских игр.

Он слишком рано, в 28 лет, ушел из спринта, хотя сил у него оставалось для соревнований еще лет на десять. Сам так считал, а кто лучше знал возможности великого гонщика, его истинную силу?

На III Спартакиаде народов СССР (август 1963) в заезде с туляком Владимиром Леоновым, двукратным чемпионом страны, Омар рывком ушел от соперника и на скорости упал при входе на финишный вираж жесткого московского трека. Редкий гонщик сможет самостоятельно встать после такого падения, а он встал. В изодранной в клочья майке, измазанный зеленкой, садится на велосипед, выжимая скорость, и обыгрывает в полуфинале Леонова. А надо еще финал выиграть, где его ждал Иммануил Бодниекс. Рижанин выиграл первый заезд, и теперь предстояло выиграть у него дважды. Омар вырывает эту победу, дважды первым приходя к финишу, работая с трудной второй позиции. Болельщики унесли его вместе с машиной с полотна трека.

Так побеждал Омар Пхакадзе. Заслуженный мастер спорта стал наставником, заслуженным тренером, первым президентом Федерации велоспорта Грузии.

«Скажи, сынок, – сказал ему руководитель республики Василий Павлович Мжаванадзе на приеме после золота Сан-Себастьяна, – что бы ты хотел получить? Прославил ты нашу Грузию, и я выполню любую твою просьбу».

Омар, живший тогда с семьей в одной комнатке общежития динамовского стадиона, попросил: «Постройте мне трек».

В 1975 году подарок Омару был готов – центральный велостадион, один из лучших в Европе.

Он был счастлив: выходил в центр трека, на его зеленый островок, широко раскрывал руки, слушая тишину вокруг, восхищаясь чистотой воздуха, исходящей от земли энергией. Он говорил, что раньше в таких местах строили церкви.

Незаметно подкралась грозная болезнь. Бегая кроссы к Черепашьему озеру, все чаще прислушивался к боли в желудке...

Пришла вечерняя газета со словами прощания из Тулы, города, где помнили его огневые финиши. Здесь он четырежды становился чемпионом страны. Тульский журналист, познакомившийся с Омаром в первый его приезд в город умельцев и оружейников, писал: «Предлагаю вывесить эту газету где-нибудь на треке у кабинки гонщиков – пусть молодые знают, кем был Омар Пхакадзе».

Кабины эти давно не слышат голоса знаменитых гонщиков Америки, Италии, Франции, Испании, Болгарии... В общежитии трека нашли приют семьи бежен-

цев, и вдову нашего велогонщика называли Матерью Терезой. Девочке из Сухуми потребовалась кровь первой группы с отрицательным резусом. Друг Омара был на треке и помог больной. «Когда снова мы встретимся с Омаром, – сказала мне Донара Джанукашвили, – хочу сказать ему: я выполнила свой долг – поставила детей на ноги и спасла трек. Надеюсь, Бог даст мне силы...»

А трек, его трек, давно ждет помощи, хотя бы кос-

На велотреке

ная отвага, обостренное мышление на трех кругах.

«Несмотря на то, что Джордано взял верх в первом матче заезда, он не устоял перед мощью советского спринтера – этого тигра велосипедного спорта», – писала испанская газета.

Силен был победитель в Сан-Себастьяне. Врученная Омару при награждении памятная майка

На тренировке

метического ремонта, не говоря уже о судьбе его уникального деревянного полотна. Мы как-то забываем об этом, как забыли многое – присвоить велостадиону имя Омара, без чего его название звучит серо и буднично, и нельзя допустить гибели этого уникального сооружения, где готовили чемпионов велосипедного спринта.

Омар никуда не ушел от родного трека, своего детища и гордости, остался рядом, на крутом склоне, на котором его распяла болезнь, и смотрит на трек с плиты мемориального камня.

Приходил к нему часто друг молодости Роберт Хачатуров, мастер спорта по шоссейным гонкам, сидел на каменной скамейке, им же изготовленной, и говорил, что не может иначе. Сидел пригорюнившись, вспоминая друга, его благородную и трагическую спортивную жизнь, как эта старинная грузинская песня.

Хареба и Гоги шли берегом Алазани и спрашивали друг у друга, какая сторона лучше...

Арсен ЕРЕМЯН

БЕСИК ХАРАНАУЛИ

Бесик Харанаули родился в 1938 году в селе Тианети. В 1957 году закончил местную среднюю школу им. Мирзы Геловани на золотую медаль. В том же году поступил на филологический факультет Тбилисского государственного университета, который закончил в 1962 году. Они один из основных приверженцев верлибра в грузинской поэзии. Первый сборник стихотворений издал в 1968 году. Всего его перу принадлежат 12 сборников стихотворений, несколько поэм, один роман. Переведен на русский, французский, немецкий, болгарский языки.

Я закрою глаза
и усну сладким сном,
потому что возьму тебя в плен моих снов,
веки сомкну осторожно...
А наутро
слезы мои отопрут тебе двери...
И ты улетишь...

Есть минуты,
когда среди ночи
ты вдруг слышишь какие-то звуки...
И теряешься,
не можешь понять,
что они напоминают:
то ли цокот копыт,

в память впечатанный с детства,
или страх, когда деревья
шумят листвою,
стук женских каблуков
и мучения студенческих лет.
Есть минуты,
когда среди ночи
ты вдруг слышишь
какие-то звуки...
И лишь позднее
с трудом понимаешь –
это бьется сердце Земли.

ПОЭТ

Ни на грош,
ни на грош,
ни на один стебелек,
ни силой,
и ни умом:
а лишь – одной слезой
я больше вас!

ЛЮБОВЬ

Я был у тебя этой ночью,
но не застал тебя дома...
И дома твоего не было нигде в городе...
И того города
не было нигде на земле.

Хлопнули дверью,
ушли,
защемили в дверях мой взор,
устремленный им вслед.
Перерезали луч.
И оставили здесь
грустное лицо человека,
обрамленное далекими воспоминаниями.
Забрали бы уж и его.
Опустошенное,
к чему оно мне теперь!

ИЗ МЕЧТЫ

Благослови тебя Бог,
солнца утренний луч.
Путь твой ко мне был так долог,
что в дороге
изодрались твои башмачки.
И стоишь ты теперь босой
на моем подоконнике.

БЕССОННИЦА В ДЕРЕВНЕ

Не спится,
ну и пусть...
мою развеет грусть
лай деревенских псов
и крики петухов,
и шорохи ночные,
и стрекоты сверчков.
Ведь даже в куцах рая
не слышно будет, знаю,
всех этих голосов.

БАБОЧКИ

Любовь началась у нас, как у бабочек,
о которых
все знают лишь то,

что дни у них сочтены.
Поэтому нас прощали и не травили.

Мы и сами были напуганы,
опасались
первых дней, первых встреч,
и всюду,
куда б ни впорхнули,
ощущали себя чужими,
помня всегда, что мы бабочки,
о которых
все знают лишь то,
что дни у них сочтены.

Но время,
наверное, было за нас.
Прошли и весна ... и лето...
И как-то холодным вечером,
когда мы заглянули в полюбившееся нам кафе,
женщина, подававшая кофе, которая прежде
обслуживала нас
с ничего не выражающим лицом,
смотрела на нас доверительно и улыбалась.

Спасибо, бабочки!
Вы улетели,
вы забрали с собой
свои хрупкие ломкие крылья,
свою тленность и недолговечность.
И оставили нам на память
бесконечную трепетность.

КОРИДОР

Это был длинный коридор древнейшего замка,
Тихий, заполненный книгами,
Где даже девушка-служанка
Не решалась ускорить шаги,
Так благоговейно входил сюда человек.
Еще издали
Взору его
Представал земной рай,
И, преисполненный почтения,
Поднимался он вверх по лестнице –
Все здесь было вечным и незабываемым.

Это был длинный коридор древнейшего замка,
С шаткими половицами и пустыми канделябрами,
Одна из дверей вела на широкий балкон,
Вторая – на тихий уютный двор.
Нетрудно представить,
Как порой сливались здесь воедино
Вывавшиеся на мгновение
Из женской и мужской половин господских покоев
Струи воздуха,
Сливались также тени и голоса
И тут же куда-то исчезали,
Унесенные сквозным ветром
То ли к западу, то ли к востоку,
Так как одна из дверей была всегда распахнута,
Вторую же беспрестанно кто-нибудь открывал.

А в далекие времена по коридору ходили не спеша
И бесшумно.
Единственный, кто в первый и последний раз
Поднялся по лестнице бегом,
Растревожив тишину коридора
Сердитым стуком каблуков,

Вбежал в спальню
И бросился лицом вниз на подушку,
Был молодой хозяин замка.
Но тогда произошло и кое-что другое:
Через какое-то время коридор и весь замок
Сотряслись от звука выстрела.
С того дня
Дверь коридора распахнулась и уже никогда не
закрывалась.

В нее входили и выходили.
Все выносилось и уносилось,
Отдирались половицы, обдирались стены и потолок,
Так как замок уже никому не принадлежал,
А точнее, принадлежал народу.
Коридор стал напоминать караванный путь –
Все добытое и краденое
Перетаскивалось по нему.
Отошло в прошлое время,
Когда бег по нему считался признаком безумия,
И никто не посмотрел бы даже вслед бегущему,
Когда люди никуда не спешили,
И даже Психея ездил на арбе.

Сколько раз разгоряченный с пылающим лбом
Попадал я в сквозняки коридора.
И если, пройдя его, ты не заболел,
Значит, ты был здоров.
Если же таился в тебе какой-то недуг,
Он отзывался на это мгновенно.
Даже в спальню невозможно было войти спокойно –
Неприменно столкнешься с кем-то,
Или кто-то сам на тебя наткнется.
Пронесется мимо взад-вперед
Дети и их родители.
А подростки – эти прыщавые девочки и парни
В переходном возрасте –
Окончательно лишили покоя
И замок и его коридор.
Шум, голоса, звуки, безмозглость.
Женщины, мужчины ... Одни входят, другие выходят –
Обе двери распахнуты настежь, и от этого гаснет
свеча,
Перевернуты половицы, стены сгнили, с потолка
смотрит небо,
Из земли просочилась вода ...
Не выдержал замок такого количества звуков,
людей, топот и беготню,
Зачах и заплесневел.

Сейчас идет речь о евразийском коридоре,
Но, милостивый Боже,
Неужели он станет новой Вавилонской башней,
И унесет нас с собой сквозной ветер этого коридора,
Как бабочек, сдует со стен наши святые фрески,
Унесет наши монастыри и крепости,
Нашу воду и землю, наш язык
И место рождения?
Будет продано все,
Горы сравнятся с долиной,
Женщины одичают, и мужчины обаяются,
И останется между двумя морями
Большой коридор,
Где беспрерывно будут дуть сквозные ветры,
Где погаснет наша свеча.

Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Николай Боголюбов

Как-то во время беседы Николай Николаевич Боголюбов задумался, лукаво взглянул на меня и сказал: «Знаете, Альберт Никифорович, когда я помру, вас, наверное, спросят обо мне. Скажите, что я был верующим христианином. Всю жизнь трудился. С тринадцати лет серьезно занимался наукой. А впрочем, характером особо вредным не отличался».

Мы продолжили прерванную беседу и к обсуждению этой темы никогда не возвращались.

В автобиографии, написанной им собственноручно, читаем: «Родился в 1909 году в г. Горький в семье священника... С двенадцатилетнего возраста заинтересовался математикой... В 1923 году начал работать в научном семинаре академика Н.М. Крылова (г. Киев) и в 1924 году написал свою первую научную статью...»

Когда Николай Николаевич приезжал в Тбилиси, он всегда посещал утреннюю службу патриарха в кафедральном соборе Сиони, а после службы говорил, что знает литургические тексты наизусть, так что вслед за патриархом повторяет их про себя на церковнославянском языке.

О научном творчестве Н. Боголюбова лучше всего говорят его фундаментальные монографии и научные статьи, которые оказали огромное влияние на развитие ключевых областей теоретической и математической физики: нелинейной механики, классической и квантовой статистики, квантовой теории поля и физики частиц.

Явление спонтанного нарушения симметрии для квантовых систем, открытое им при создании микроскопической теории сверхтекучести (1946) и сверхпроводимости (1958) сегодня составляет фундаментальный принцип стандартной модели электрослабых взаимодействий, а предложенное (совместно с сотрудниками) новое квантовое число (1965), впоследствии названное «цветом» – основа квантовой хромодинамики – современной теории ядерных сил.

В канун 100-летия со дня рождения Н.Н. Боголюбова Российская Академия наук завершила издание собрание его научных трудов в 12 томах.

Будучи по природе просветителем, он уделял большое внимание воспитанию молодых ученых и созданию новых научных центров, ценил и поощрял научно-организаторскую деятельность учеников и сотрудников. Часто посещал союзные республики и, если требовалось, поддерживал на уровне правительства создание коллегами научных центров.

Из Лаборатории теоретической физики Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна), основателем и многолетним директором которой был Н. Боголюбов, вышел ряд крупных ученых и организаторов науки, которые руководили и руководят академиями наук, университетами, крупными научными центрами СССР (а ныне России) и стран-участниц Объединенного института ядерных исследований. И продолжают успешно руководить представители школы Боголюбова, работавшие с ним.

Н. Боголюбов знал и высоко ценил культуру и науку Грузии. Его связывали дружеские и творческие отношения с академиками Н.И.Мухелишвили и И.Н.Векуа.

В конце 50-х годов прошлого столетия Николаем Николаевичем была разработана теория дисперсионных соотношений в квантовой теории поля, на основе которой А.А. Логуновым и А.Н. Тавхелидзе были получены линейные сингулярные интегральные уравнения для амплитуды фоторождения p -мезонов на нуклонах. Приближенные решения полученных уравнений давали качественное объяснение существующим экспериментальным данным, и, в результате, нахождение точных решений уравнений для фоторождения приобрело принципиальное значение для проверки физических основ теории дисперсионных соотношений. Попытки построения точных решений наших уравнений были предприняты в работах Р.Омнеса (Франция), и в литературе они стали именоваться уравнениями типа Омнеса. Ознакомившись со статьей французского ученого, Николай Николаевич обратил мое внимание, что теория линейных сингулярных интегральных уравнений была разработана Н.И.Мухелишвили и И.Н.Векуа еще в 40-е годы, и просил меня разобраться в этих работах. В результате, в нашей совместной с Николаем Николаевичем работе, посвященной 70-летию Н.И.Мухелишвили, была продемонстрирована общность и эффективность методов Николая Ивановича для анализа решений уравнений для фоторождения.

Историческая правда была восстановлена, и в научной литературе эти уравнения стали именоваться уравнениями типа Мухелишвили-Омнеса.

Боголюбов как директор ЛТФ ОИЯИ и впоследствии директор ОИЯИ активно развивал научное сотрудничество института с физическими центрами Грузии в совместных проектах и проведении крупных международных совещаний и конференций.

В целях развития современной физики в Грузии Н. Боголюбов поддержал открытие отдела теоретической физики в Математическом институте им. А. Размадзе АН Грузии и создание Института физики высоких энергий в Тбилисском университете им.Ив. Джавахишвили. Эти научные центры в основном были укомплектованы молодыми учеными, которые активно работали в ОИЯИ. Это обеспечило поддержание тесных связей с Дубной и через нее положило начало сотрудничеству с крупными ядерно-физическими центрами мира.

Особое внимание Николай Николаевич уделял развитию науки в Украине, поддерживал тесную научную связь с Академией наук Украины, членом которой состоял с 1939 года. Он создал здесь всемирно известную научную школу по нелинейной механике. Для развития теоретической и математической физики, при поддержке президента Академии наук Украины Б.Е.Патона, основал передовой по структуре и содержанию научный центр – Институт теоретической физики НАН Украины (г. Киев), носящий его имя. Николай Николаевич нежно любил город своей юности – Киев.

Ведя огромную научно-организационную работу, Николай Николаевич, естественно, занимал соответствующее положение в научной и государственной иерархии. Он спокойно относился к должностям, иронизируя над российской-советской бюрократией. Не зря он знал М.Е.Салтыкова-Щедрина и любил его цитировать. В 1946 году, на выборах в Верховный Совет СССР, Николай Николаевич был ответственным за работу одного из избирательных участков в Киеве. Утром пришла комиссия, проверяющая активность

избирателей (тогда считалось важным завершить голосование как можно раньше). Николай Николаевич доложил, что в основном народ уже проголосовал. Тогда кто-то из комиссии обратил внимание на большой хвост избирателей, еще не проголосовавших, и потребовал объяснение. Боголюбов отвечал: «Это те, которые хотят доголосовать». Руководитель комиссии одобрительно взглянул на Николая Николаевича и сказал: «Ну что ж, пусть доголосовывают».

На кафедре МГУ у Боголюбова работала дама, злоупотреблявшая своим близким родством с видным представителем советской науки. Обладая тяжелым характером, она терроризировала сотрудников кафедры. Николай Николаевич был вынужден предложить ей оставить кафедру «по собственному желанию». Тогда она потребовала выдать ей научную характеристику. Боголюбов в присутствии членов кафедры и самой дамы взял лист бумаги и, громко озвучивая написанный им текст, прочитал: «Такая-то работала на кафедре с такого-то года и за это время сочинила два сообщения: одно в адрес Круглова, другое – в адрес Серова (эти люди в разные годы занимали посты руководителей госбезопасности)...» Дама не дала закончить характеристику, вырвала ее из рук Николая Николаевича и больше на кафедре не появлялась.

В 60-е годы в отношениях между СССР и Китаем наступило резкое похолодание, и Китай решил выйти из членства ОИЯИ. Соответствующее заявление Правительства КНР на Объединенном ученом совете

Альберт Тавхелидзе и Николай Боголюбов

ОИЯИ должен был огласить профессор Ван Ганчан, который долгое время работал в институте и пользовался большим уважением. Директору Боголюбову последовали звонки из многочисленных вышестоящих инстанций с советами и предложениями помощи. Николай Николаевич всех успокаивал. На ученом совете слово взял профессор Ван Ганчан и на китайском языке (хотя прекрасно владел русским) зачитал заявление Правительства Китая. Когда переводчик собрался

начать перевод, Николай Николаевич спокойно сказал: «В переводе нет нужды, так как в ОИЯИ каждый участник имеет право говорить на родном языке». Ван Ганчан на переводе не настаивал. Заседание ученого совета продолжилось. После его окончания в кабинет Николая Николаевича вошел Ван Ганчан, поблагодарил, и они спокойно, в дружеской обстановке, стали пить чай. (Конечно, профессор Ван Ганчан испытывал неловкость перед коллегами, выполняя это нелегкое поручение.)

В кабинете директора Боголюбова как-то около 12 часов дня раздался звонок, и помощник директора института сообщил, что директорам лабораторий следует быть на месте, ибо из Москвы приезжает высокий руководитель и, наверное, захочет встретиться с ними. В ожидании было выпито много кофе и чая, и уже в конце рабочего дня позвонили и отменили встречу. Николай Николаевич спокойно отреагировал: «Стало быть без певчих», намекая на известный чековский рассказ.

У нас в ЛТФ около полудня в «кофе-комнате» собирались сотрудники и пили чай. Николай Николаевич, как правило, участвовал в этих чаепитиях, где обычно обсуждались новости науки. Во время одной из таких посиделок ему был задан вопрос, кто из ныне работающих в СССР математиков самый выдающийся. (В это время в Советском Союзе работали И.М.Виноградов, М.В.Келдыш, А.Н.Колмогоров, Л.С.Понтрягин и другие.) Николай Николаевич ответил: «Видите ли, мно-

делу высоких государственных чиновников, он с лукавой улыбкой говорил: «Пойду кланяться и благодарить», а если шел в родное министерство, то произносил: «Пойду послушаю русский фольклор».

В 1962 году в ЦЕРН (Женева) проходила очередная Международная конференция по физике высоких энергий. Была организована дополнительная секция для обсуждения перспектив развития этой области. Николай Николаевич назвал наиболее перспективным изучение основного состояния системы, что впоследствии и оправдалось. Большинство же участников возлагало надежды на развитие подхода, связанного с максимальной аналитичностью амплитуды рассеяния, что было крайне модным. Николай Николаевич, математик божьей милостью, скептически относился к данному подходу и так прокомментировал это в ходе дискуссии: «В детстве мне и моим друзьям попала в руки пикантная книга на немецком языке с соответствующими иллюстрациями. Среди разных возможностей одна была совершенно фантастической и сопровождалась подписью: «Такое только возможно». Немецкая делегация тоняла суть, сообщила перевод коллегам, и весь зал разразился смехом.

Николай Николаевич был человеком от жизни. Он, помимо всего прочего, блестяще разбирался в благородных напитках – коньяке, виски, хороших винах. Будучи в Тбилиси, посетил завод шампанских вин. Главный винодел давал объяснения по процессу подготовки эссенции, необходимой для шампанизации, особенно подчеркивая, что эссенцию обеспечивают простейшие организмы – бактерии. Когда Николаю Николаевичу предложили попробовать эссенции с ним с чем не сравнимым благоуханием и божественным вкусом, он произнес: «Вы говорите простейшие организмы? Однако они точно соотносятся, где им хорошо».

Боголюбов придерживался собственной системы воспитания молодых ученых, для отбора которых не проводил экзаменов, ибо считал, что «не так важно, что знает молодой человек, а важнее градиент его роста», а условия для роста он создавал. Как правило, на своих семинарах подробно излагал результаты своих последних исследований, ставил нерешенные проблемы и задачи. Участник семинара подключался к решению и начинал сотрудничество с учителем или с уже опытными его учениками.

В совместной работе Николай Николаевич не давал своим авторитетом, был коллегиальным и внимательным. На защитах диссертаций учеников обычно присутствовал, чем выражал свою поддержку.

Помню, защищал докторскую диссертацию его любимый ученик. Большой Николай Николаевич пришел на защиту, досидел до конца и поддержал диссертанта. После успешной защиты мы с ним проводили Николая Николаевича до дома. При расставании диссертант высказал глубокое сожаление, что, учитывая состояние здоровья Николая Николаевича, не имеет морального права пригласить его на «послезащитные посиделки». Николай Николаевич пожелал ему дальнейших успехов и попросил меня зайти к нему. Как только мы вошли в его квартиру, хозяин раскупорил бутылку виски, разлил в рюмки и произнес: «Что это получается, если я могу три часа сидеть и слушать всяческие «глупости» – я здоров, а чтобы выпить глоток вина, меня объявляют немощным?!»

Мы выпили за здоровье и успех диссертанта, и на такой веселой ноте «инцидент» был исчерпан. Николай Николаевич не был злопамятным.

Альберт ТАВХЕЛИДЗЕ

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Много лет назад, будучи на конференции в Москве, ученый, педагог и общественный деятель Нодар Киквадзе предложил приехавшей с ним из Тбилиси коллеге пойти в перерыве между заседаниями в находившийся неподалеку Музей искусств имени Пушкина, где в то время была открыта интересная выставка. Та охотно согласилась. В зале музея Нодар Ираклиевич принялся рассказывать ей о представленных картинах, и делал это настолько интересно, что вскоре вокруг них собралась довольно большая толпа посетителей, многие из которых «откололись» от экскурсионных групп, чтобы послушать гостя из Грузии.

Недавно коллега ученого, побывавшая с ним в музее, рассказала эту историю на встрече, посвященной годовщине со дня смерти Нодара Киквадзе и выходу в свет его книги, которая прошла в Центре изучения США Тбилисского государственного университета (директор – Василий Качарава). В книгу включены статьи Нодара Ираклиевича, а также воспоминания о нем. Ее автором и составителем выступила супруга ученого – Ирина Чупринина-Киквадзе. Редактор – Алеко Асланишвили.

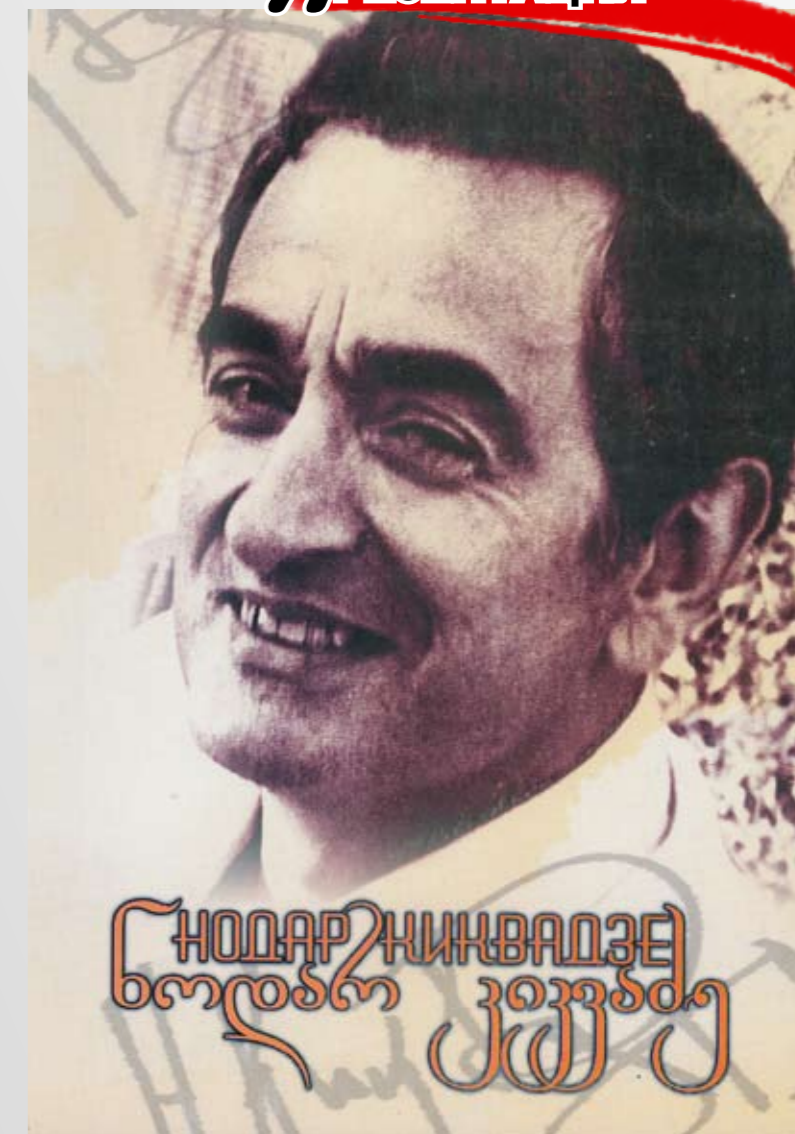
Выпускник знаменитого Московского государственного института международных отношений, блестящий специалист в области зарубежной истории, особенно новой и новейшей истории стран Западной Европы и США, Нодар Киквадзе плодотворно занимался научной деятельностью, был автором около 150 научных и научно-популярных трудов, опубликованных в специальных изданиях. Не надо забывать и о том, что он начинал свою трудовую деятельность как журналист и до конца дней выступал в грузинских и российских газетах и журналах. Однако, жизнь сложилась так, что собрать свои работы под одной обложкой ученому так и не довелось. Изданием книги «Нодар Киквадзе» справедливость восстановлена. В первую очередь, перед памятью Нодара Ираклиевича и перед читателями, особенно – молодыми, которые отныне получили возможность познакомиться с его работами. В своих статьях ученый поднимает вопросы, подчас не имеющие ничего общего с его профессией, областью научных изысканий, откликается на общественные явления, события в области культуры. Благо, энциклопедическая образованность Нодара Киквадзе признавалась всегда. Он был прекрасным знатоком и ценителем литературы, образительного искусства, мог на равных вести разговор с самыми крупными специалистами в области театра и кино. Но его главной страстью была музыка. Он не пропускал ни одного сколько-нибудь значительного концерта, ни одной премьеры в Театре оперы и балета, а день, когда ему по каким-либо причинам не удавалось послушать любимые произведения из домашней коллек-

ции, считал прожитым напрасно.

О широте его кругозора и прекрасной форме изложения свидетельствовали и интервью Нодара Киквадзе, записанные для радио и телевидения, которые были представлены собравшимся на встрече в ТГУ. В первом ученой говорил о музыке, во втором – о футболе.

Был у Нодара Киквадзе еще один дар – щедрого, отзывчивого и обаятельного человека, умевшего дарить окружающим огромные духовные богатства, которыми обладал сам. Это отмечают все, с кем сводила ученого судьба. Во время мемориальной встречи в университете Ирине Чуприной-Киквадзе позвонили из Москвы. Однокурсник Нодара Ираклиевича по МГИМО, зная, что в этот день старого товарища будут вспоминать, счел своим долгом хотя бы по телефону присоединиться к встрече и сказать о друге юности. И непосредственные участники встречи говорили о Нодаре Киквадзе тепло и искренне, вспоминали его таким, каким знали и любили. Теперь, благодаря книге, его смогут узнать и другие. Наверняка, для многих это знакомство будет полезным.

Георгий ОТАРАШВИЛИ

Альберт Тавхелидзе

жество выдающихся ученых является неупорядоченным – с кого вы начнете, тот и первый».

В свободное время он слушал по радиоприемнику новости на разных языках. Однако, не имел привычки обсуждать политиков и их действия. На моей памяти единственный раз Николай Николаевич прокомментировал действия советского и американского лидеров: по телевизору показали президента США, в джинсах и потрепанной футболке, и советского лидера в официальном костюме и при регалиях. Боголюбов задумчиво произнес: «Ничего не понятно... один все снимает, а другой все надевает...»

Когда Николай Николаевич собирался посетить по

Зураб Кикалейшвили

ГРОТЕСК — ЕГО СТИХИЯ

Впервые мне довелось увидеть Зураба Кикалейшвили в балете «Бахчисарайский фонтан», в роли пана Вацлава. Запомнились академически совершенная исполнительская манера танцовщика, его парящие прыжки, благородная осанка, красивые удлиненные линии танца, свидетельствующие о том, что перед нами типичный классический танцовщик, герой-романтик.

Позже это впечатление рассеялось, когда тот же танцовщик в балете «Отелло» творил такие чудеса в дуэте Отелло — Яго, в паре с великим Вахтангом Чабукиани, что стало ясно — Кикалейшвили актер гротескового плана.

Впоследствии, когда мы стали коллегами по театру оперы и балета им.З.Палиашвили, а потом партнерами и друзьями, я узнала Зураба Малакиевича ближе.

Сменив актерскую карьеру на искусствоведческую, я много о нем писала, делала передачи по телевидению, снималась в фильме-балете в его постановке «В мастерской художника» на музыку Бидзины Квернадзе, выступала на сцене Кремлевского

Дворца съездов в балетном опусе, поставленном Кикалейшвили, и, наконец, была свидетельницей его грандиозного успеха в роли Яго в Париже, на сцене театра Елисейских полей, и там же выступала с Зурабом Малакиевичем в балете «Горда», после которого публика оглушила нас аплодисментами.

Восхищаясь многочисленными талантами танцовщика, я поражалась его неумным желанием творить новое, знать обо всем, что происходит в мире искусства у нас и за рубежом, дружить с выдающимися творцами своего поколения в мире кино, музыки, театра драмы, живописи и балета. Он был одноклассником и другом Майи Плисецкой, обожал работы Симона Вирсаладзе, дружил с ленинградскими артистами балета, восхищался мастером эпатажа Сергеем Параджановым, сотрудничал с Кокой Игнатовым, имел целую армию друзей в Японии, Швеции, Англии, Турции, где работал балетмейстером, педагогом-репетитором.

Кикалейшвили был человеком невероятно общительным, любил рассказывать о своей семье, детях, внуках, о своем сценическом прошлом... Так я узнала, что начиная работать в театре им.З.Палиашвили, он долгое время пытался найти свою нишу в самобытном репертуаре театра, но его натура противилась лирике «амурных» героев и он, вопреки заданной роли, вносил экспрессию и остроту в пластику и характеры классических героев. Их было немало — Альбер («Жизель»), Принц («Лебединое озеро» и «Спящая красавица»), Базиль («Дон Кихот»), Фрондосо («Лауренсия»)...

Однако это продолжалось недолго. Вскоре его настойчивое желание выделить свой «голос» в «многоголосье» грузинского балета спонтанно выплесну-

Сцены из балета «Отелло». 1956

лось в небольшой роли Сатира в сцене «Вальпургиева ночь» из оперы «Фауст», где танцовщик смело обострил свою пластику до степени гротеска. Выходя за рамки традиции исполнения игривого Сатира, он насыщал реплики веселого бесенка зловещим смыслом и силой, вскрывающей разрушительное начало в вертлом, легком, но не легковесном бесе. Его Сатир появлялся незаметно, во время «вальса вакханок», когда сцена пустела, зритель обнаруживал дерзкого, лукавого Беса на небольшом возвышении. Полуоб-

наженное существо неожиданно пружинисто взметалось в воздух и, бесшумно приземлившись, чертило ломаный и острый узор движений. Его танец, сотканный из стремительных вращений, упругих прыжков, танец откровенной чувственности, призванный взбудоражить вакханок и чертей, неожиданно прерывался зловещими позами, рисующими демоническое начало в посланце Мефистофеля... Испытывая неопи- сываемый страх, нечисть разметалась во все стороны, а угодливая свита чертей поднимала руки, на которые, как на трон, пулей залетал Сатир и замирал в позе повелителя. Успех Кикалейшвили в Сатире был фантастическим. Рассказывают, что однажды на гастролях Ивана Козловского в Тбилиси великий русский тенор никак не мог начать свою арию Фауста, которая шла сразу после вариации Сатира. Оркестр остановился, Кикалейшвили вызывали бесконечно, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Козловский не вывел танцовщика на авансцену за руку и не зааплодировал сам.

Сатир не был изолированным фрагментом не только в биографии Кикалейшвили, но и в истории грузинского балета. В этом образе неожиданно родился «антигерой» — обаятельный и зловещий одновременно, способный на равных соперничать с романтическим героем, обостряя и динамизируя действие балета. Для Чабукиани-романтика это было откровением. Наконец, он увидел танцовщика — своего «антипода» (до того весь мужской состав подражал только ему). Великий танцовщик и балетмейстер понял, что Кикалейшвили мог бы стать в его балетах мощной «антиромантической» силой, действующей в конфликте герой-антигерой. Это предположение не замедлило

оправдаться в его балете «Синатле», где Кикалейшвили блестяще сыграл роль Оборотня (Девриша) в паре с Чабукиани (Автанდიлом). Соперничество между грузинским Прометеем (царевичем Автанდიлом), добывшим огонь для своего народа, и правителем ада (Девришем), препятствующим этому, достигало в спектакле небывалой экспрессии.

Дряхлый старец Девриш обещает бездетному царю Джимшеру обрести двух наследников с условием, что один из них будет принадлежать Девришу. Об-

маном вырвав согласие, Девриш превращался в черта. Весело играя своим хвостом, поглаживая рожки, он с циничной издевкой, ловко перебирая «козлино-юркими» ногами, теснил отчаявшуюся царскую чету в угол сцены и неожиданно исчезал. Он появлялся на празднике совершеннолетия царевичей в черном развевающимся плаще, в одеянии экзотичного восточного правителя. Вихрем врвался в гущу гостей и увел Автандила в ад.

В сцене обольщения Автандила Мзетунахави (дочерью Сатаны) Кикалейшвили демонстрировал адскую мощь, которую пресекал Автандил с помощью огня.

Балет имел большой успех у зрителя, особенно у детворы, долгую сценическую жизнь, был заснят на студии «Грузия-фильм», а его исполнители удостоены Государственной премии СССР.

Свидетельством того, что эстетические корни индивидуальности Кикалейшвили лежат в гротеске, подтвердила еще одна значительная роль — Ли-Шан-Фу в балете «Красный цветок» (в постановке Кикалейшвили). Продемонстрировав в балете чудо танцевального мастерства, он показал себя творцом, способным сочинять большие балетные «полотна» (он на протяжении многих лет был вторым балетмейстером театра, педагогом и репетитором).

Этот уникальный набор достоинств Кикалейшвили вскоре был превзойден им в роли Яго, где мастеру суждено было предстать в качестве первооткрывателя, в роли творца, который одним из первых в истории балета создал исключительно танцевальными средствами полноценный отрицательный образ. До него, как известно, отрицательных героев играли, в основном,

пантомимные артисты. И неудивительно, что это историческое событие произошло в театре «танцующего актера» Вахтанга Чабукиани, его труппу украшал уникальный танцовщик и актер Зураб Кикалейшвили.

Выступив в «Отелло» антиподом мавра, Кикалейшвили создал образ шекспировского злодея, вскрыл его характер, отчего весь ход трагедии обрел остроту и действенность!..

Во главу угла характера Яго Кикалейшвили ставит идею о том, что его герой ничто иное как виртуоз провокаций. Он раскрывает это качество Яго с ошеломляющим мастерством, демон-

стрируя фантастически изощренные переходы от «маски» Яго — «доброе малое» — к истинному злодею.

В этой психологически сложной «игре» Кикалейшвили был настолько великолепен, что московский критик А.Городинский писал, что Кикалейшвили один из самых выдающихся Яго, каких только довелось ему видеть на сцене чуть ли ни за столетия. «Никогда мы не видели такого страшного исчадия ада», — признавался он в статье «Декада грузинского искусства в Москве» 1958 года. Не будет лишним сказать, что за

исполнение этой роли Кикалейшвили был награжден орденом Ленина.

Следуя авторской идее об антагонизме характеров Отелло и Яго, Кикалейшвили рисовал образ Яго не одной, счастливо найденной краской. Это была лавина актерских находок, с помощью которых он создавал портрет опустошенного циника, аморального, сатанински честолюбивого.

В первой же сцене Яго предстал перед нами в образе щеголя – бездельника с подчеркнуто элегантными манерами, в сером костюме, с плотно облегающими ноги высокими сапогами, с дерзко торчащей

Дж.Баланчин и З.Кикалейшвили. США. 1958

шпагой на боку, указывающей на то, что перед нами офицер, не лишенный задиристости заправского дуэлянта.

С иронической усмешкой он небрежно поднимает на кончик шпаги шарф Дездемоны, оброненный во время ее тайного свидания с Отелло, и с нарочитой издевкой демонстрирует друзьям – Родриго и Монтано. Очертив над головой своеобразный круг, он резко сбрасывает шарф на пол сцены и, проткнув его шпагой, становится в многозначительную позу «обвинителя порока».

Яго явно потешается наивной реакцией друзей, взбудораженного Брабанцио и его слуг. Он передвигается по сцене так легко и беспечно, что вся затея опорочить Дездемону кажется простой забавой. Тем страшнее истинное лицо Яго, под маской добродушия и ординарности скрывающего адское кипение души злой, завистливой, демонической.

Уже в следующей сцене он, столкнув в жестоком поединке Кассио и Родриго, словно обожженный жаждой убийства, мечется между ними. Вот, он делает бросок, будто разнимая дуэлянтов, а на самом деле распахивая их своим бойцовским задором. Когда Отелло, угомонив задир, потребует от Яго объяснений, он недоуменно поднимет плечи и раздвинет руки, изображая свое полное неведение. И столько «искренности» вложит Кикалейшвили в этот жест, что будет трудно усомниться в «честности» Яго. Но достаточно Отелло отвернуться, как Кикалейшвили с коварной усмешкой чуть изменит жест и его смыслом

станет издевка над легковерием мавра. Эта провокация станет в спектакле «стартом», после которого Кикалейшвили уже не будет скрывать своего «лица». «Духовный уродец» попросту станет завлекать в силки своих провокаций всех, кто стоит на пути к его карьере, с ошеломляющим мастерством утоляя жажду превосходства над ними.

Беспощадно пронзив Родриго шпагой, Яго с жадным восторгом читает в его глазах смертельный страх, ощущая свое величие. Воткнув в землю клинок, он медленно наклоняется к умирающему, хладнокровно стирает кровь «друга» со шпаги и бесшумно исчезает в ночи, унося с собой страшную тайну.

Особой экспрессии в раскрытии сущности Яго актер достигает в предфинальной сцене. Убедив мавра в неверности Дездемоны, он победно застывает на лестнице, свысока глядя на Отелло, ссутулившегося над столом. А когда Отелло поднимает на него обезумевший от горя взгляд, трусливый Яго пятится назад. Но отказаться от жажды видеть полное падение мавра он уже не может. С откровенной наглостью он выворачивает ладони своих рук, предлагая Отелло удушить Дездемону. Схваченный за горло мавром, он извивается в его тисках и, брезгливо отброшенный, кубарем летит за кулисы. Но тут же возвращается. Соскользнув на пол, он, демонстрируя чудо пластики, изображает движения очковой змеи и ползет в сторону поверженного Отелло. Убедившись, что нет свидетелей, он виртуально изображает свою победу над мавром в метафорической позе «орла-стервятника», склонившегося над своей жертвой. В той же позе он предстает на коленях перед погибшими Дездемоной, Эмилией и Отелло. Схваченный за руки, хищным взглядом обводит окружающих, демонстрируя в финале свое «псевдовеличие»...

В этом жесте Кикалейшвили неожиданно предстает перед нами «обличителем зла», как бы стремящемся донести до зрителя свою художественно оформленную мысль о том, что невозможна гармония в мире, где властвует зло, где сеют хаос люди, подобные Яго.

Тематически эта идея звучит и в роли Джотто, в балете «Франческа да Римини», где Кикалейшвили в экспрессивном танце передавал могучие, темные страсти дантевского злодея-братоубийцы.

Мысленно обозревая творческую жизнь Кикалейшвили, невозможно не осознать силу его актерского таланта и цену редкой индивидуальности, которая, раскрывшись в Сатире, и постепенно набирая силу в Деврише, Ли-Шан-Фу и Яго, последним фейерверком блеснула в Джотто.

Для каждой из этих ролей он нашел своеобразную пластическую характеристику, точно передав в танце их сущность.

Как само наваждение, он был стремительным и эластично вертким в Сатире, в Деврише – устрашающе коварен, в Ли-Шан-Фу – слащав, хитер, обходитель и неожиданно зловещ. В Яго и Джотто Кикалейшвили выглед истинным злодеем трагедий Данте и Шекспира.

Именно в этих, столь схожих и в то же время разных ролях наиболее ярко выразилась гротесковая по характеру индивидуальность артиста. Именно они позволили Кикалейшвили подняться на ту вершину в искусстве балета, которую не каждому удастся покорить. И в год 85-летия со дня рождения мастера, ушедшего из жизни, тема зла в искусстве, как и прежде, остается актуальной, ожидая своего воплощения в театре и талантливого разоблачения!..

Лариса НАДАРЕЙШВИЛИ

ЖИТЬ НА СЦЕНЕ

Михаил Арджеванидзе принадлежит к числу тех, кого любят все. Такой уж он обаятельный, открытый, доброжелательный человек, что иначе к нему относиться просто невозможно! Это – важно. Но еще важнее его яркий, прямо-таки искрящийся талант и огромная, любовь к своей профессии актера.

- Стать актером – мечта моего детства, - признался он. - Правда, были разные этапы - какое-то время хотел быть художником, врачом... Но потом решил, что все это лучше сыграть на сцене.

Моя семья не имела ничего общего с театром. Все довольно пессимистично оценивали мои перспективы, связанные со сценой, сомневались в том, что у меня есть данные для актерской профессии. Семья решила, что я должен поступать на филфак в Тбилисский пединститут. В первый год не поступил, что меня несколько не огорчило, потому что я никак не видел себя на этом поприще. Тем не менее, стал снова готовиться к поступлению на филфак на следующий год, однако на новогодние праздники вдруг передумал и дома категорически заявил, что буду подавать документы в театральный. Но, увы, тогда в театральный институт принимали только жителей Сенакского и Зестафонского районов, и я поступил в только что открытую частную Академию искусств Медеи Паниашвили. Учился у потрясающего режиссера, педагога и человека Нугзара Багратиони-Грузинского. Начало 90-х годов – времена, прямо скажем, нелучшие, стало для меня замечательным периодом жизни, потому что у меня была возможность общаться с этой необыкновенной личностью. У нас была очень хорошая группа. К сожалению, только двое из нас занимаются сегодня

актерской профессией. Помню наш дипломный спектакль «Неаполь – город миллионеров». Известный театровед Натела Урушадзе дважды пришла на наш спектакль и отметила, что не зря посмотрела нашу работу. Я играл небольшую роль бригадира карабинеров Чапу... Кстати, позднее, когда Нугзар Багратиони-Грузинский ставил «Неаполь» в театре имени Грибоедова, он приглашал меня на роль Чапы... Но я тогда еще работал в ТЮЗе.

- Представители вашего поколения входили в театральное искусство Грузии в тяжелые времена...

- Тяжелые и абсолютно не театральные. Но я просто не представлял себя ни в какой другой сфере. Не могу сказать, что я переиграл огромное число ролей, в том числе главных. Однако я благодарю судьбу за то, что мне уже все-таки удалось сделать.

- Что вам дал ТЮЗ в творческом отношении?

- Для начинающего актера это – очень даже неплохая школа. Нугзар Багратиони-Грузинский до сих пор является носителем школы истинного переживания, за которой Константин Станиславский, Михаил Туманишвили. В этом плане мы и работали над собой в вузе. А ТЮЗ дал другое – там превалировало игровое начало, что-то приходилось показывать, представлять. Это было полезно: соединяя, собирая разные краски, становишься своего рода пластилином. Когда его дольше мнешь в руках, из него потом легче лепить... Но вернемся к ТЮЗу. Наступил момент, когда он стал умирать. Уехал практически весь основной костяк театра – потрясающие артисты! Это были люди, одержимые театром. То, что я видел там, я больше нигде никогда не встречал. Тюзовцы готовы были рисковать здоровьем ради театра! И у меня сложилось именно такое отношение к театру... А потом

Автандил Варсимашвили пригласил меня на главную роль в спектакле «Самоубийца», который на грибоедовской сцене поставил Давид Мгебришвили. Хочу подчеркнуть, что я шесть лет не играл вообще. ТЮЗ закрылся на ремонт, и мы остались вне творческого процесса. А ведь эти шесть лет – то время, когда набираешься профессионализма. Придя в театр Грибоедова после столь длительной паузы, я испытал некоторые трудности. Если бы сегодня я начал работать в спектакле «Самоубийца», то результат, думаю, был бы лучше. Потому что материал потрясающий, роль великолепная.

- А чем были наполнены эти шесть лет простоя?

- Я женился. Старался просто выжить, что-то зарабатывать. Жена поступила в театральный институт, чему я очень рад. Мы живем сегодня общими интересами, понимаем друг друга... Так вот, эти шесть лет я был уверен, что карьера моя в театре закончена. Переживал, что у меня нет другой профессии... У меня была попытка уйти в бизнес – открыл детское кафе. Но дело не пошло. К бизнесу должно быть другое отношение, а на меня все это такую тоску наводило! Стало понятно, что это совершенно не мое дело. Единственное, чем я занимался как артист, это ходил на дни рождения к детям и в качестве клоуна устраивал представления. Я буквально этим жил и довольно долго был популяр-

М.Арджеванидзе с супругой Р.Микеладзе

ным в городе. А в душе творилось что-то ужасное. «Для чего ты живешь? – спрашивал я себя. – Это же не то, ради чего ты родился!»...

- И тут вы встретили Автандила Варсимашвили.

- Авто знал меня по ТЮЗу, хвалил меня. Мне было очень приятно! И вот я стал актером театра имени Грибоедова. Но, кстати, после «Самоубийцы» я тоже долго ничего не делал... А потом пошли роли – я сыграл Кота Бегемота и Марка Крысобоя в постановке «Мастер и Маргарита», сеньора Помидора в «Чиполлино», Микиту Григорьевича в спектакле «Достоевский.ru». От работы в последнем спектакле я получаю необыкновенное удовольствие. Она не похожа на другие мои роли. Очень здорово, просто филигранно выписана линия моего персонажа. И какой сложный

образ – столько вопросов, столько ответов! Хотя мой Микита Григорьевич – не главный герой... Это заслуга режиссера и автора пьесы Андро Енукидзе – он тщательно выписал всех персонажей, даже массовку.

- Вы легко подчиняетесь дисциплине, работоспособны?

- Двадцать четыре часа я работать не могу. Иначе это будет не работа, а мучение. Ты должен обязательно хоть в какой-то степени получать удовольствие от работы. Даже через усталость. Иначе хорошего, глубокого результата не будет. Роль не будет разработана внутренне, что очень важно.

- Как вы относитесь к людям типа Микиты Григорьевича?

- Это несчастные люди. Микита Григорьевич разрушает собственную жизнь, потому что слепо подчиняется законам общества. В то же время нельзя сказать, что он не личность.

- Миша, а вы сами за строгое подчинение законам общества?

- Отчасти, да. Кстати, ценности, на которых мы выросли, сегодня девальвированы. А те, кто живет в соответствии с ними, выпадает из общей массы. К сожалению, это так. Теряется уважение к старшим, женщине. Вот это мне не нравится.

- По-моему, и у молодых актеров нет уже трепета по отношению к своей профессии.

- Да, это так. Но есть исключения. Я знаю молодых актеров, которые обожают свое дело.

- Но некий фанатизм – это как бы немодно. Принято скорее демонстрировать легкое пренебрежение к своей профессии, подчеркивать конъюнктурный момент.

- Это только отчасти так. В театре все несколько по-другому. Актеры вообще немного другие люди. Все удивляются, как мы могли долгое время работать в ТЮЗе практически без зарплаты. Помню, когда я пришел в театр, у меня была зарплата, на которую я мог купить только пачку сигарет. Со временем я и это не мог себе позволить. Но получить роль и сыграть ее для меня всегда было намного важнее, чем заработать деньги. Однажды Олег Табаков сказал, что если бы у нас была такая возможность, мы бы платили за роли. Это правда, несмотря на то, что у нас рыночная экономика. О деньгах я вспоминаю только тогда, когда они у меня заканчиваются. Ведь у меня семья – жена, ребенок, так что приходится о ней заботиться.

- Вы играете и в Свободном театре...

- Да, я грузиноязычный актер, учился на грузинском факультете.

- А русский – это со школы?

- Со школы и от семьи тоже. С папой я говорил на русском, с мамой – на грузинском. Поэтому вырос на двух языках. Меня иногда спрашивают, на каком языке я мыслю. Говорю с вами по-русски, мыслю по-русски и дальше пойду мыслить по-русски. Пойду по улице, прочту что-то на грузинском языке и переключусь на грузинский...

- Одна из ваших лучших работ в театре Грибоедова – булгаковский Кот Бегемот. Любите «Мастера и Маргариту»?

- Не любить роман невозможно. В нем затронута столько тем, что никого не может оставить равнодушным. Невозможно не болеть за главных героев, не желать, чтобы они были вместе. Когда я прочитал это произведение, то подумал, что если когда-нибудь сыграю в его инсценировке, то это будет Кот Бегемот. Честно говоря, играть его я боялся – из-за разговоров о мистичности романа. Перед тем как приступить к репетициям я обратился к своему духовнику. Если бы он мне сказал: «Нет!», я бы не сыграл Кота Бегемота.

Но священник сказал, что в этом нет ничего плохого, что запрещено играть только святых, апостолов и самого нечистого.

- А что интересного вы играете в Свободном театре?

- Самая любимая роль – в спектакле на двоих, я играю вместе с актером Бати Гвазава, который является также автором пьесы и режиссером. Она называется «Пять дней из жизни безработного актера». И тема мне близка и знакома. В спектакле есть моменты, когда я могу пожить на сцене, а не просто играть. Это самое великое удовольствие! За неделю до премьеры пришел Автандил Варсимашвили и абсолютно точно поставил все на свои места... И спектакль зажил!

- А вам ближе школа переживания или представления?

- В театральных кругах говорят, что зрителю уже не нужен психологический театр, театр переживания. А реально публике интересно прийти, сесть в зрительном зале и посмотреть на настоящую жизнь – чтобы на сцене актеры пожили. Думаю, что от этого получишь больше удовольствия, чем от хорошей режиссуры, мизансцены, музыки.

- Но вы актер острого рисунка, гротесковый!

- Да, это я тоже умею делать, и делаю с удовольствием.

- А кто в театре важнее – актер или режиссер?

- Люди все-таки ходят на актеров, именно они – это та призма, через которую вся режиссура должна преломиться и выразиться. Актер может вырваться туда, где совершенно неинтересно, а может такие цвета дать, такую палитру!.. Талантливый режиссер всегда хорошо и правильно направляет, но именно актер выпускает луч, который на нем сфокусировал режиссер. И потом, спектакль живет после премьеры своей жизнью. И его уже ведут актеры. Иногда спектакль меняется – может быть, даже в лучшую сторону. Порой появляются очень даже хорошие находки. И все равно, как актер, так и режиссер – два важнейших компонента спектакля.

- С кем вам довелось работать из режиссеров, кроме Авто Варсимашвили?

- С Нугзаром Багратиони-Грузинским, Дато Сакварелидзе, Дато Мгебришвили, Андро Енукидзе.

- В чем бы вам хотелось попробовать себя сегодня?

- К сожалению, сегодня не ставят Мольера. Я бы с удовольствием сыграл Тартюфа. Сейчас, к сожалению, время Тартюфов! Пьеса прозвучала бы очень актуально... При этом я против коверканья авторов. Актриса Екатерина Васильева недавно высказала парадоксальную мысль, что сегодня очень любят коверкать авторов, особенно Чехова.

- Ваши наиболее сильные театральные впечатления последнего времени?

- К сожалению, в последнее время я очень редко хожу в театр. Не успеваю – очень занят.

- Да, ведь вы работаете еще и в Театре юного зрителя им.Н.Домбадзе...

- И еще снимаюсь в сериале «Наш офис», который идет по телеканалу «Рустави - 2». Это легкий фильм, в котором нет никакой психологии. Одно хорошо – учусь работать перед камерой.

- Вы похожи на своего героя из этого сериала?

- Я вообще похож на каждого, кого играю.

- Вас любят окружающие.

- Потому что я сам люблю окружающих меня людей, среди которых нет плохих. Есть только, может быть, со сложным характером. К каждому человеку нужно относиться трепетно. По-другому нельзя... Во всех людях есть что-то хорошее.

- Производите впечатление очень жизнерадостного человека.

- Я оптимист, несмотря на то, что у меня много разных проблем. Так и надо жить. Жизнь слишком коротка, чтобы отягощать себя отрицательными эмоциями. А положительные эмоции могут быть от всего вокруг. От людей, например. Что может быть приятнее общения с симпатичным человеком, и от этого получаешь удовольствие!

- А что вам может испортить настроение?

- Если кто-то болен или когда имеет место фатальный случай. Это на меня очень плохо действует, разрушает гармонию в душе. Обожаю Новый год – покупаю елку, елочные украшения, подарки. Праздник! Люблю повеселиться от души и сделать приятное окружающим.

- А что читаете?

- Мало читаю. Копаюсь в Интернете, играю в компьютерные игры. Сейчас мне хотелось бы прочитать что-нибудь из современной литературы. Правда, я особенного удовольствия от нее не получаю, даже от очень известных авторов. Лучше, чем русская классика XIX века, по-моему, не существует ничего. Люблю ее перечитывать. А еще люблю детскую литературу. Если плохое настроение, беру «Мэри Поппинс» или «Винни-Пуха» и с головой погружаюсь в нереальный, сказочный мир.

- В вас определенно есть что-то детское.

- Есть, есть! Потому я так хорошо себя чувствую в театре – здесь я ребенок, играю во взрослую жизнь.

- Какой актер является для вас своего рода эталоном?

- Евгений Евстигнеев, Евгений Леонов, великая Фаина Раневская. Незабываемое впечатление – спектакль «Дальше – тишина» с Раневской и Пляттом. Кстати, Фаина Раневская сказала однажды: «Это дети играют на сцене, актеры – живут!».

Я с ней абсолютно согласен... Из американцев люблю Дастина Хофмана, Аль Пачино, Мэрил Стрип. Они играют в реалистической манере, и эмоции их настоящие. Для того, чтобы достигнуть таких творческих результатов, время нужно. Я быстро сделать роль не могу. Ищу в людях, в себе самом ключ к персонажу – манеру его поведения, речевую характеристику, пластику... Хочется поработать над большой ролью, окунуться с головой в репетиционный процесс. Я актер не первого плана, не герой-любовник.

- Вас это огорчает?

- Нисколько, а вот многие герои-любовники мечтают играть характерные роли...

Инна БЕЗИРГАНОВА

Г. Гагарин. Прибытие коменданта Редут-Кале

РЕДУТ-КАЛЕ: ИМЕНА И ФАКТЫ

На юго-восточном побережье Черного моря, в устье небольшой, но глубокой горной речки Хоби, в 1804 году астраханский военный губернатор и главноначальствующий в Грузии Павел Дмитриевич Цицианов, по предварительной договоренности с владетелем Мегрелии Григорием Дадияни, отправил из Тифлиса отряд казаков для встречи шедших из Крыма русских кораблей. Тогда Россия не имела еще порта ни на восточном побережье Черного моря, ни на Каспийском. Небольшой Белевский полк высадился на берегах Черного моря и заложил в устье реки Хоби земляной редут для прикрытия обоза. Берега Хоби и Циви и само взморье были покрыты дремучими девственными лесами и непроходимыми болотами. При слиянии речки Циви и Хоби, виднелись развалины двух каменных стен, сложенных из булыжника и облицованных кирпичом. Их история затерялась в веках. На развалинах владетель Мегрелии устроил деревянную башню и содержал в ней караул для наблюдения за берегом моря. Сообщение с ближайшей деревней Хорга осуществлялось на лодках. Это место турки называли Кремпл, Корго или Куле. Здесь в начале XIX века на левом берегу устья реки Хоби Цицианов «прорубил окно из Закавказья в Европу», основав приморское укрепление — редут. Впоследствии, к слову «редут» прибавили слово «кале», что означает «крепость». Так

появился русско-турецкий топоним — Редут-Кале. За уступленные России Анаклию и Редут-Кале, где были обустроены гавань и таможенные заставы, владетель Мегрелии получал 12 тыс. рублей в год.

Цицианов 9 сентября 1802 года был назначен Александром I астраханским военным губернатором и главноначальствующим в Грузии с предоставлением ему полной свободы действий. Он происходил из рода карталинских князей Цицишвили. Дед Павла Дмитриевича эмигрировал в Россию вместе с царем Вахтангом VI, и с тех пор семья жила в Москве. Павел Дмитриевич по обычаю своего времени еще в детстве был записан на военную службу в Преображенский полк. Числясь в полку, он получал первоначальное образование дома, под руководством своего отца — преподавателя кадетского корпуса, геодезиста, автора учебника. Цицианов, благодаря продуманной системе воспитания и природному таланту, стал человеком широко образованным, с глубокими знаниями технических и военных наук. Но и словесность он называл своим любимым предметом. Современники ценили писательский талант Цицианова, его пронзительный ум и острый язык. В войсках ходило по рукам в списках его сатирическое произведение «Беседа русских солдат в царстве мертвых», где высказывалась острая критика на методы военного управления и даже на светлейшего князя Г. А. Потемкина (к чести Светлейшего, он снисходительно отнесся к критике). А.В. Суворов в одном из своих приказов предлагает войскам «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов».

Цицианов прибыл в Георгиевск, тогдашнюю резиденцию главнокомандующего, 6 декабря 1802 года, а первого февраля 1803 года он уже был в столице своей исторической родины — в Тифлисе. Сюда перенес

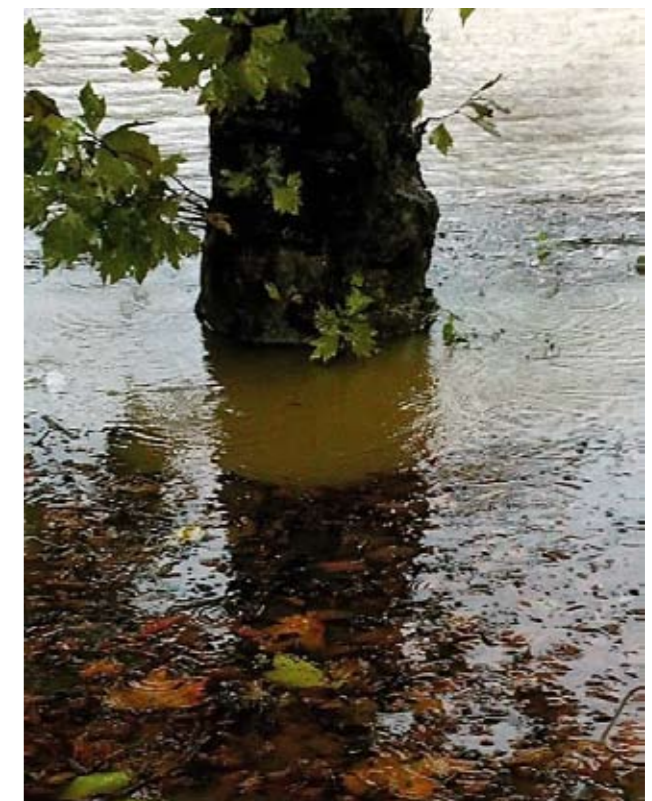
свою резиденцию и приступил к реорганизации верховного грузинского правительства и местного гражданского управления. Цицианов застал Закавказье состоящим из раздробленных, независимых, мусульманских владений, ханств и земель джаро-белоканских лезгин, Ахалцихского пашалыка и крепостей, лежащих в турецких владениях по берегу Черного моря. Все они враждебным кольцом охватывали грузинские земли. Мегрелия и Имеретия тоже враждовали — и между собой, и с Грузией (Картли и Кахети), которую раздирали споры царевичей. Одаренный блестящим умом и непреклонной волей, Цицианов был не только замечательным полководцем, но и выдающимся администратором. Он первым приступил к обустройству инфраструктуры Кавказа по европейскому образцу. С целью привлечения на Кавказ квалифицированных специалистов, добивался для них повышения жалованья, чинов и пенсий за выслугу лет. Он заботился также о воспитании местных кадров. Он составил проект Тифлисского благородного училища для детей дворян, где наряду с другими предметами они обучались бы русской и грузинской словесности. По этому проекту после окончания курса наук в Тифлисском благородном училище учащиеся, находясь на казенном содержании, должны были продолжить учебу в благородном пансионе при Московском университете.

Проект был утвержден императором 8 августа 1803 года. На его исполнение из казны было выделено 10.000 рублей серебром. Тифлисское благородное училище стало функционировать с 21 мая 1804 года. Цицианов одновременно прилагал усилия для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, упорядочения судопроизводства и улучшения быта граждан. При нем в Тифлисе была учреждена почтовая контора.

Среди многочисленных задач Цицианова было и налаживание транспортных коммуникаций. В начале XIX века сообщения со столицей империи осуществлялись по единственному пути — через Кавказский хребет по Военно-Грузинской дороге. Для ее благоустройства им был составлен проект инженерных сооружений и ремонтно-строительных работ. Кроме того, он провел путь от крепости Сурами до столицы Имерети — Кутаиси и приступил к строительству дороги до Черного моря в местечке, названном впоследствии Редут-Кале. Войска, провиант, снаряжение стали доставляться из Крыма в Тифлис уже не через Кавказский хребет, а через Редут-Кале. Хотя в те времена это еще был забытый уголок, отвоеванный у непроходимого леса и болот, с несколькими деревянными строениями, в которых прозябали изнуренные лихорадкой солдаты, офицеры, карантинные и таможенные чиновники. На всем вокруг лежала печать скуки, тоски, ветхости и бедности. Из-за сложности проведения хорошей дороги в долинах рек Риони и Хоби, Цицианов распорядился соединить небольшим каналом реки Хоби, Циви и Ция (у нынешней железнодорожной станции Чаладиди) с рекою Риони. Летом товары большей частью перевозили на арбах, которые из Тифлиса приходили порожними, брали груз по предварительному договору. Появились в Редут-Кале и верблюды, на которых товары транспортировались в ненастное время (с ноября по апрель). Тогда же началась официальная переписка об избрании этого редута коммерческим портом.

Присоединение Мегрелии и укрепление Российской империи в Редут-Кале вызвало раздражение Порты и стоило многих жизней. Спустя два года отвоевали у турок и крепость Поты, однако, в 1812 году, после заключения Бухарестского мира, она была возвращена Турции, а штаб-квартиру российских войск перевели

в Редут-Кале. Тогда же переселились туда из Поты некоторые торговцы из греков. Коммерческая деятельность была сосредоточена в руках таганрогских греков, которые вели торговлю через своих приказчиков, греческих переселенцев из Поты, в границах Керчи,

Евпатории, Таганрога и Ростова-на-Дону.

Первым гражданином Редут-Кале был грек с острова Кефалони из селения Метаксы — Николай Метакса. Вслед за ним прибыли в Редут-Кале и другие торговцы-греки: Стоматий Кондаури с острова Андро, Ованес Комаров из Артвина; из разных мест Малой Азии и островов архипелага происходили Илья Вальяно, Яни Ангелопуло, Яни Аперчепуло, Антоний Сигаило, Антоний Самуркаси. Транзитная торговля через Редут-Кале, несмотря на ряд трудностей, все более разрасталась.

Иностранцы купцы до 1817 года не вели торговлю через Редут-Кале. В 1821 году был обнародован приказ о даровании Закавказскому краю облегчений по торговле и об открытии порта Редут-Кале для всех иностранных купеческих кораблей. Летом 1822 года англичанин Роберт Лайол в беседе с главнокомандующим на Кавказе А.Н.Ермоловым говорит о своем стремлении сделать Тифлис «большим складочным пунктом между южными и восточными странами мира и Россией...» Как указывает французский консул в Тифлисе Гамба, начальнику Черноморского флота адмиралу А.С. Грейгу, было предложено обеспечить безопасность паровозного сообщения из Одессы в Редут-Кале. Порт и дороги на Тифлис приводились в должный порядок. Все это способствовало прибытию иностранцев с европейскими товарами. Среди первых из них были француз Кастелла и шотландец Джеймс Марр (предок востоковеда Н.Я.Марра), основавший впоследствии Кутаисский ботанический сад. Среди первых граждан Тифлиса, осознавших выгоды перевозки товаров морским транспортом, были Сараджевы, Харазовы, Лорис-Меликовы, Абессаломовы, Хизановы, Саркисовы. Такое направление закавказской торговли оживило жизнь в Редут-Кале. В 1822 году комендант порта послал в Трапезунд для закупки разного товара Стоматия Кондаури. Этот торговец привез разной бакалеи, которую с выгодой для продавца разобрали квартировавшие в Редут-Кале войска. Довольно значительный, по меркам этого края, капитал составил себе разными коммерческими оборотами проживавший долгое время в Редут-Кале Афанасий Метакса, который стал банкиром.

Как сообщает Гамба, Сараджев первым из кавказцев прибыл в Одессу в 1823 году. Он закупил и доставил в Редут-Кале заграничный товар на сто тысяч франков. На следующий год шесть армянских купцов, объединившись в компанию, поехали в Лейпциг на ярмарку и доставили товар через Одессу в Редут-Кале. Начиная с 1824 года, тифлисские армяне стали постоянно ездить на Лейпцигские ярмарки, где всегда находили дешевую мануфактуру и отправляли ее в Редут-Кале. Успех первого опыта доставки европейских товаров в Тифлис через Редут-Кале произвел переворот в закавказской торговле. В Тифлисе стали строиться новые гостиницы и караван-сарай. Стала налаживаться торговля между Ираном и Европой. А.Н.Ермолов в одном из посланий к министру финансов писал: «Один из иностранцев... искупив в Персии некоторое количество шелка, прислал оный в Тифлис, чтоб при случае отправить во Францию».

Русско-турецкая война 1828—1829 годов, связанная с поддержкой национально-освободительной борьбы греческого народа, завершилась Адрианопольским мирным договором. Перед Россией встала важная задача — установление эффективного контроля над приобретенным по условиям Адрианопольского мира Черноморским побережьем Кавказа от Анапы до Поти. Оба порта ранее служили важными центрами работорговли. В течение долгого времени

правительство колебалось в выборе места для будущего коммерческого порта: предпочтение отдавалось то Редут-Кале, то Поти. Соответственно с этими колебаниями, начиная с 1830 года, численность жителей Редут-Кале то увеличивалась, то сокращалась. В 1831 году срок облегчений по торговле европейскими товарами закончился, и в Закавказье была введена принятая в Российской империи система общего тарифа, с некоторыми исключениями для Закавказья.

Здесь был Редут-Кале

Окончательное решение в пользу Редут-Кале было принято в 1838 году, когда крепость Поти, как место с неблагоприятными климатическими условиями для жизнедеятельности людей, была упразднена, а порт перенесен в Редут-Кале. Проездом через Редут-Кале пропутешествовали многие выдающиеся личности того времени. В 1845 году морем в Редут-Кале в ранге наместника прибыл Михаил Семенович Воронцов, «который был принят с энтузиазмом живописным населением берегов Черного моря» (А.Дюма). Путешествие Николая I на Кавказ на старом парусном фрегате «Полярная звезда», осенью 1837 года едва не кончилось трагически. На пути из Керчи в Редут-Кале фрегат попал в страшную бурю, которую, по некоторым утверждениям, отвел гимн «Боже, Царя храни!», который чистым басом спел император. Окруженный болотами Редут-Кале состоял из ряда деревянных домиков, тесно столпившихся по обоим берегам реки Хоби. Живописное море, дивное и разнообразное во всех его проявлениях, оживляло пейзаж. Постепенно климат Редут-Кале стал улучшаться благодаря тому, что специально прорытые каналы изменили направление болотной воды, заражавшей атмосферу вредными испарениями.

Следует заметить, что вырубка леса в окрестностях Редут-Кале, давшая возможность морскому ветру, выветривая миазмы болот, освежать воздух, а также фильтрацию вод, улучшили климат порта, определив его значение для закавказской торговли. Кроме того, торговлю Редут-Кале оживил, подписанный в декабре 1846 года приказ наместника на Кавказе Михаила Семеновича Воронцова о беспопыльном транзите товаров через Закавказье. Все эти меры

способствовали становлению важнейшего коммерческого центра восточного побережья Черного моря. Главная пристань Редут-Кале для всех судов с товарами находилась в пятистах метрах от впадения реки в море. Туда заходили бриги и шхуны, двухмачтовые и трехмачтовые корветы (большая часть греческие, турецкие и английские). В навигацию большая часть прибывавших судов были турецкие баркасы, а также множество одномачтовых лодок с латинскими парусами, противостоявших береговому ветрам. За ними следовали русские каботажные суда — двухмачтовые бриги, шхуны и трамбаки. Эти суда входили в реку и потому открытый рейд и штормы им не были страшны.

Поэт Яков Полонский в 1846 году переехал (вслед за М.С. Воронцовым) из Одессы в Тифлис, где служил в канцелярии наместника. Со свойственным ему талантом он так описывает свое прибытие в Редут-Кале: «Цвет моря — темно-зеленый превратился в мутно-серый. В полуверсте от берега мы стали на якорь. В одну минуту целые десятки баркасов окружили наш пароход. Гребцы были в самых странных разнообразных костюмах... Черные всклокоченные волосы, выбритые лбы, обнаженная грудь, полосатые куртки, босые ноги, чалмы, вязаные шапочки белого цвета... Это были турки, греки, мегрелы, имеретины — владельцы баркасов, они являются всякий раз, когда в заливе покажется судно, чтобы перевозить вещи в город... От парохода до Редут-Кале около двух верст — нужно было плыть рекой, которая привела нас в город. Когда мы плыли, я любовался бесконечной цепью парусов...» Надо сказать, что сам городок произвел на поэта удручающее впечатление: «Главной улицей в Редут-Кале была река, по сторонам которой тянулись во всю длину еще две улицы — вот и весь город,

если это только город... Единственный дом с окнами — есть единственный трактир, куда велел я причалить. ... Было жарко, влажно, заедали комары».

В 1847 году все население состояло из 1060 душ обоего пола. В 1847 году главная местная и морская торговля Редут-Кале оставалась в руках греков. Из русских торговлей занимался только один отставной

солдат, некто Кубик. Среди крупных торговых деятелей Редут-Кале были Н. Хионаки с братом, Н. Мазани, Н. Метакса, Д. Панандопуло, Чинаров, Басаянов, Бузоглы, Карагиоз оглы, Мельников, Учардия-Алания, Каргач.

В статье «Редут-Кале», опубликованной в январе 1854 года в газете «Кавказ» (№2), дается подробное описание города до его бомбардировки и захвата турками 7 мая 1854 года. В газете писали о кипучей складской деятельности. Наблюдаемая десять лет назад беспечность и лень уступила место деятельности и движению. Беспорядочно тянулись караваны арб, вьючных лошадей и верблюдов. Самой шумной частью города был базар. Он представлял собой вымощенную гравием улицу, вдоль которой находились все правительственные учреждения: полицейское управление, ротный лазарет, при котором профессор Абих устроил временную обсерваторию для метеорологических наблюдений. Около базара в доме, купленном на городские средства, было учреждено двухклассное училище, «содержащее также из городских доходов и радушно предлагающее детям здешних жителей средства к первоначальному образованию». Далее располагались соляной магазин, почтовая контора, помещение для артиллерийской команды, склад снарядов и казарма азовских казаков, крейсеровавших вдоль берега моря. Наконец, при впадении Хоби в море, на левом берегу было устроено главное правительственное учреждение — карантинно-таможенное управление. Оно состояло из комиссара, прикомандированного медика, переводчика, писца и нескольких служащих, так называемых гвардионов (карантинная стража). На берегу моря был устроен пост под начальством постового надзирателя, в непосредственном ведении которого находилась территория от Анакии до укрепления Св.Николая с пятью постами и тринадцатью объездчиками. «Главные статьи привоза: сахар рафинад, шампанское вино, портер, шерстяные мануфактурные изделия. Важнейшие вывозимые товары шелк-сырец и икра. Из предметов вывоза в Россию самое важное место занимало ореховое дерево, вывозился лавровый лист, мегрельский табак, вино, мед и воск». Кроме того, в Редут-Кале в течение года привозили до 15.000 пудов провианта и до 30.000 пудов артиллерийских снарядов.

В течение года в город прибывало значительное число пассажиров. Частной общественной жизни не было — только служебная деятельность. Приходило несколько русских и иностранных периодических изданий. Лучшим местом для прогулки летом был расположенный выше городской черты загородный сад — прохладное убежище от летнего зноя. Сад этот находился на попечении местного старожилы прапорщика Николая Хионаки. По воскресеньям население города собиралось в две церкви — греческую и армянскую. Православная церковь отличалась от окружающих ее зданий одним небольшим крестом и колокольной. Богослужение совершалось на греческом и грузинском языках

двумя священниками. Церковь освещалась тремя люстрами, одна из которых была серебряная, а две остальные — хрустальные. Вторым лучшим зданием был выстроенный из толстых ореховых досок гостиница для приезжих. В этом, здании путешественники всегда находили радушный прием.

Яркая зелень растительности делала пейзаж Редут-Кале необыкновенно живописным. Цвели гранаты, вился виноград, фиговое дерево раскрывало свои роскошные листья, зелень благородного лавра оттеняла берега светлой реки, покрытой лодками и другими мелкими судами. Широко использовались сухоходные возможности реки Риони. Грузы на лод-

их экзарху, прием которого был самый радушный. Со своей стороны я был очарован их чисто византийским талантом, специальными познаниями и кротостью. Проведя три дня в Тифлисе, они отправились в Пицунду, где и занимались в продолжение двух недель изучением здания, приготавливаясь к предстоящей им работе. Князь Наместник видел их в Пицунде и беседовал с ними об их занятиях. По отъезде его они отправились в Редут-Кале, подъезжая к устью Хоби, они настигнуты были бурей и после долгих усилий ехать дальше погибли в волнах, поглотивших лодку. Потеря этих двух отличных живописцев меня крайне огорчила. Князь Наместник также весьма сожалеет о них».

Несмотря на все сложности, Редут-Кале начинал мало-помалу обстраиваться, а число приходящих в его порт судов обещало ему хорошее будущее. Козьма Федорович Спасский-Автономов оптимистически писал, что «под благотворным и просвещенным управлением знаменитого наместника М.С.Воронцова», напоминающий Венецию Редут-Кале ждет прекрасное будущее, если капиталисты вложат средства на строительство в море мола и углубление сухоходного фарватера реки Хоби для образования безопасной гавани. Эти меры должны были превратить Редут-Кале в главный коммерческий порт и складочное место Закавказского края. Но разразившаяся в октябре 1853 года Крымская (Восточная) война, пагубно отразилась на развитии Редут-Кале. Поводом к войне послужил вспыхнувший между католиками и православными спор о палестинских святынях

Иерусалима и Вифлеема. Главный порт края Редут-Кале 7 мая 1854 года подвергся бомбардировке и был сожжен. Несмотря на это, в течение ряда последующих лет он оставался портом с довольно значительным грузооборотом.

Присоединение Поти, а также Сухум-Кале и Анапы, а позднее Батуми (после русско-турецкой войны 1877-1878 годов) с более удобными рейдами лишило Редут-Кале того значения, которое он, как приморский порт, мог иметь в торговом отношении. После распада Российской империи Редут-Кале был переименован в Кулеви. Сегодня Грузия как транзитная страна строит свою экономику, опираясь на развитие транспортной инфраструктуры и интеграцию в паневропейские транспортные коридоры в тесном сотрудничестве с другими странами. В конце 2006 года Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики приобрела недостроенный нефтяной терминал в селении Кулеви (бывший Редут-Кале), достроила три причала и подходной канал. Новая железнодорожная линия Кулеви — Колхети соединяет терминал с железной дорогой Поти — Тбилиси. Терминал имеет четыре железнодорожных пути. В настоящее время компанией проектируется новый порт, который позволит танкерам с большим дедейтом загружаться прямо в открытом море.

Зимой навигация прекращалась. Наступали длинные, темные ночи, проливные дожди и бури на море. Много проблем доставляли наводнения рек Хоби и Риони, мутные волны которых затопляли единственную улицу. Сообщение между домами осуществлялось не иначе, как на лодках. Плавать в такое время по реке было сложно, а порой и опасно. В устье реки Хоби трагически оборвались жизни выдающихся русских мастеров Пешехоновых, которых Воронцов пригласил для реставрации росписей храма в Пицунде. В письме от 17 ноября 1852 года Григорий Гагарин сообщает о последних днях Макария Самсоновича и его сына Алексея Пешехоновых: «По прибытии этих двух живописцев в Тифлис, я представил их тем начальникам по военному ведомству, содействие которых было необходимо для путешествия их. Князь Наместник был в это время в отъезде. Я также представил

Нинель МЕЛКАДЗЕ
Кетеван МГАЛОБЛИШВИЛИ
Ирма ГУГУШВИЛИ

ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

Многие десятилетия фамилия Гриневского не произносилась вслух. Еще будучи студенткой Тбилисской Академии художеств, я слышала ее от моих преподавателей и профессоров, однако, всегда говорилось о нем тихо или шепотом. Это возбуждало мое любопытство, но узнать что-либо подробнее было невозможно. Лишь в конце XX века появилась кое-какая информация.

Кем был этот таинственный художник? Почему нельзя было произносить его имя?

Разве лишь потому, что он был арестован в страшном 1937 году, а затем расстрелян как «враг народа»? Найти ответ на мучивший меня долгие годы вопрос оказалось нелегко. Материалов о нем, о его творчестве почти не было. Его квартира и мастерская были разорены (а жил он в круглом здании, которое находилось во дворе Академии художеств и являлось как-бы ее продолжением). Мой педагог, профессор Давид Цицишвили, бывший студент Гриневского, вспоминал, как весь двор застлал рисунки Гриневского, они валялись на лестнице, их топтали, рвали. Но кое-что сохранилось, кое-кто с риском для жизни подбирал и прятал у себя в темном углу за шкафом.

Какой была эта квартира и мастерская можно представить, читая «Воспоминания» (Тб., 1987 г.) написанные академиком Вахтангом Беридзе, бывшим студентом Гриневского. «Он был моим учителем. Он жил в одном из зданий Академии со стороны двора. Теперь на этом месте стоит неприглядный высотный корпус. Мастерская имела купольное перекрытие. Часто именно в этой мастерской проходили наши занятия. Легко себе представить, какая там была атмосфера. На стенах висели его картины, полки полны были книг».

Генрик Гриневский, Геворк Башинджагян, Константин Алханов, Оскар Шмерлинг

Есть приказ НКВД об изъятии всех материалов, касающихся Гриневского и об уничтожении его творческих работ. Приказ был разослан по организациям. Один экземпляр сохранился в Музее искусств Грузии.

Пользуясь сложившейся ситуацией, кто-то присвоил его труды по перспективе, кто-то занял квартиру.

Летом 2008 года сотрудники библиотеки Академии художеств обнаружили в книгохранилище, находившемся в старом подвальном помещении, небольшого размера рисунки и акварели Гриневского, папку с ри-

Henryk Hryniewski

ჰენრიკ ჰრინიევიჩი

сунками образцов орнамента почти всех стран мира — материал для лекций на архитектурном факультете и раритет — один экземпляр его книги «Практическое пособие по линейной перспективе», изданной в 1934 году в Тбилиси на грузинском языке. Альбом же «Архитектура древней Грузии» исчез бесследно.

Гриневский имел также научную работу, подготовленную к печати, рукопись «Анализ грузинского орнамента», однако не успел ее опубликовать. В 1958 году в Тбилиси был издан альбом «Грузинский орнамент», но его фамилии там не было. Опубликовали — А.В.Кравченко и Н.И.Каралашвили, сотрудники Гриневского в организованной им мастерской дизайна. Гриневский тогда не был реабилитирован и можно только предполагать, что сотруднику удалось какую-то часть рукописи спасти и опубликовать.

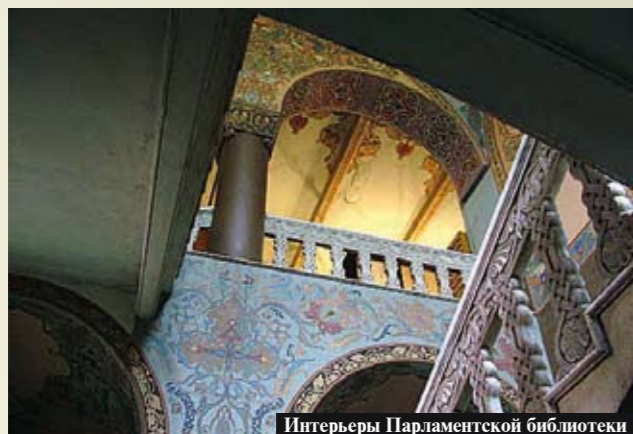
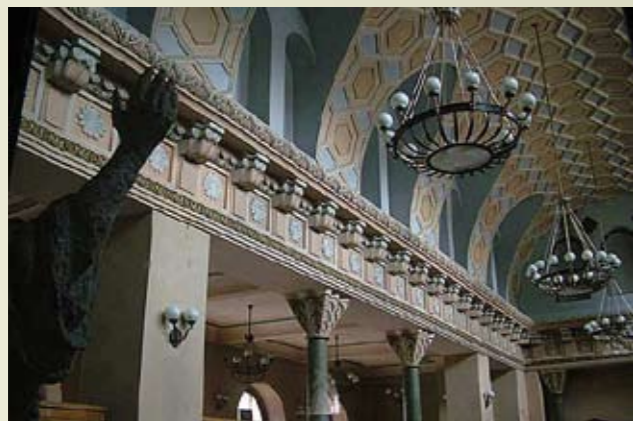
Реабилитации не последовало. В 1956 году было только сообщение о смерти. Ответ на запрос о реабилитации в письменном виде не выдавался, а обратилась в МВД искусствовед Этери Цицишвили, чья семья пострадала из-за дружеских отношений с Гриневским. Прежде всего ее тетя Екатерина Вашакидзе, архитектор, бывшая студентка Гриневского, ассистент в его мастерской дизайнера, затем были репрессированы ее отец и дядя.

Ответ был получен только через суд. Ходатайство и судебные издержки взяло на себя общество «Мемориал». Ответ был таков — все были арестованы по доносу

«тройки» и расстреляны 4 марта 1938 года за «контрреволюционную деятельность».

Э.Цицишвили попросила показать ей судебное дело, а «дела» не было, папка была пуста. Ответ был выдан Этери Цицишвили 11 июня 2003 года.

Тогда же предполагали, что «контрреволюционная деятельность» Гриневского – это его жена, некогда известная итальянская балерина Мария Перини. Оставил

Интерьеры Парламентской библиотеки

сцену, она дома организовала балетную студию. Можно без преувеличения сказать, писал Вахтанг Беридзе, что именно Перини способствовала становлению грузинской балетной школы. Ее выпускниками были Вахтанг Чабукиани, Лили Гварамадзе, Ирина Алексидзе, Мария Бауэр, Вера Цигнадзе, Елена Чикваидзе, Яна Лесинская ...

В связи с арестом мужа Мария Перини была депортирована.

И опять возникает все тот же вопрос – кем был Генрик Гриневский?

Он был чрезвычайно разносторонним, образованным, талантливым и деятельным человеком, владел пятью языками и в то сложное время не скрывал своего дворянского происхождения

Гриневский родился в г. Кутаиси в 1869 году в семье ссыльного поляка. Именно дворяне, шляхтичи, были организаторами народно-освободительных движений в Польше, за что высылались в Сибирь и на Кавказ.

После смерти отца мать увезла Генрика в Европу, где он получил среднее и высшее образование. Во Флоренции закончил Академию художеств, затем два года изучал архитектуру в политехническом институте в Карлсруэ, в Германии.

Закончив образование, Гриневский вернулся в Грузию в 1898 году и постоянно проживал в Тбилиси. Он навсегда связал свою жизнь с Грузией, которую беззаветно любил.

В Тифлисе (Тбилиси), начиная с 60-х годов XIX

века в связи с бурным развитием капитализма росла сеть банков, инвестиций, быстро расширялось строительство, росло количество издательств, строились театры, открылась опера, проходили концерты, устраивались выставки. Тифлис становился административным и культурным центром всего южного Кавказа.

В 1870-е годы было создано Кавказское художественное общество, которое в дальнейшем было переименовано в Кавказское общество поощрения изящных искусств, сыгравшее немаловажную роль в культурной жизни Тифлиса.

В Тифлисе Гриневский принимал активное участие в выставках общества и являлся членом этого общества, с 1904 года стал его секретарем. Общество было хорошо организованной структурой, постоянно устраивало выставки, также передвижные, в них принимали участие Л.Гудиашвили, Я.Николадзе, Л.Лонго, Г.Габашвили, Г.Башинджаган, И.Занковский, М.Тоидзе, И.Паевский, Э.Татевосян, О.Шмерлинг, Б.Фогель, Н.Склифасовский ... При нем находилась художественная школа, имелись секции, к примеру архитектурная, организованная Гриневским, где можно было вести научно-исследовательскую работу.

Гриневский изучал древнюю архитектуру, рельефы, живопись. Он делал обмеры, составлял чертежи и планы древних сооружений, зарисовки. Так возникла целая серия акварелей – виды архитектурных памятников, часть которой уцелела в запасниках Музея искусств Грузии.

В 1902 году общество и школа получили новое здание на улице Грибоедова 22, где теперь помещается Тбилисская Академия художеств. В школе, которая теперь называлась школой живописи и скульптуры, преподавали О.Шмерлинг, Г.Габашвили, Г.Гриневский, Е.Татевосян, Г.Хмелевский ... С 1918 года школа находилась под патронатом Петербургской Академии художеств. Соответственно уровень образования был также столичным. Учащиеся штудировали натуру живую или гипсовую, в учебную программу входило развитие памяти – делались наброски по памяти с постоянно меняющих позу натурщиков, создавались этюды на природе, организовывались выставки в конце учебного года. Особо одаренные учащиеся получали именные стипендии: А.Шимкевича (выдающегося архитектора, по его проектам построены в Тбилиси многие здания – Верховный суд, консерватория, театр им.Руставели и др.), и В.Тамамшева (известного промышленника и мецената).

Гриневский, преподававший в этой школе, в 1918 году был избран ее директором и оставался в этой должности до ее реорганизации в Академию художеств. Занимая в 1921 году должность заведующего отделом изобразительных искусств при Главном художественном комитете Наркомпроса Грузии. Гриневский принял активное участие в организации Академии художеств. Его поддержали Г.Чубинашвили, Г.Габашвили, Я.Николадзе. Гриневский был избран профессором, затем назначен проректором. Деканом архитектурного факультета он оставался до конца жизни, т.е. до ареста.

В 1922 году Гриневским написано Положение Академии художеств, где конкретно изложены ее цели и задачи. Многие постулаты этого положения действовали в течение десятилетий. Будучи проректором, он стремился расширить Академию, преподавать новые предметы, открыть новые факультеты: киноискусства, театрально-декоративного, коврового, керамического, плаката, стеной живописи, оформления народных празднеств.

Доброжелательный и мягкий, он становился твердым и непреклонным, когда затрагивались важные для академии вопросы. В конце 20-х годов академия переживала тяжелые времена, речь шла о закрытии архитектурного факультета или переносе его в университет.

Гриневский выступил резко: «Архитектура является областью искусства так тесно связанной с живописью и скульптурой, что невозможно разделить ее в самостоятельную область, не нарушив единства и гармонии изобразительных искусств» («Заря Востока» №153, 1928).

Меня часто спрашивают, как пришла мне в голову мысль о восстановлении памяти Гриневского. Вопрос удивляет, неужели можно оставить навсегда растерзанным и распотанным человека и художника такого ранга, кристального и честного, отдавшего знания, талант служению народу и стране, где он родился?

Никакие приказы и распоряжения не смогли уничтожить весь тираж первого тома Сочинений Ильи Чавчавадзе, изданный в 1914 году. Издал врач и меценат Михаил Гедеванишвили.

Об отношении художника к автору Сочинений свидетельствует его высказывание на заседании комиссии, рассматривавшей проект памятника Илье. Гриневский сказал тогда: «Имя Ильи дорого не только грузинам, но каждому, кто родился и вырос в Грузии, одарим его таким же глубокоим уважением, как каждый грузин и будем всегда хранить его доброе имя».

Ценность этой книги в том, что здесь слились воедино литературные и художественные образы, весь Гриневский с его знанием истории и культурного наследия Грузии и его высокий профессионализм. В своих иллюстрациях к стихам и поэмам он передал любовь и восхищение природой, памятниками старины, женской красотой. Он создал образ красивой молодой грузинки Матери Грузии - Картвлис Деда к одноименному стихотворению Ильи Чавчавадзе, образ этот приобрел значение символа и много раз перепечатывался в книгах и в школьных учебниках без указания автора иллюстрации. Гриневский был первым иллюстратором сочинений Ильи Чавчавадзе, он так глубоко вник в литературные образы, что иначе их трудно представить. Прошли десятилетия, почти сто лет, а образ Луарсаба Таткаридзе невозможно представить по-другому, он все тот же, каким его изобразил художник.

Заслуживают внимания развороты страниц, представляющие собой уравнивающие, продуманные композиции. Заставки, концовки и сами иллюстрации, выполненные тушью и черной акварелью, включены в единый композиционный ансамбль.

Красивы заставки и концовки с орнаментальной вязью, заглавные буквы полны изящества, часто включают растительные элементы. Почти все иллюстрации имеют частичное линейное обрамление прямоугольное, круглое, овальное, иными словами, неполную рамку, которая замыкает рисунок и является распространенным приемом в книжной иллюстрации начала XX века. Удивительно мастерски Гриневский использует черную акварель и белый лист бумаги, создавая черно-белые тональные соотношения, что особенно видно в сюжетных заставках и концовках. Используя минимальные средства он мастерски передает фактуру старого камня и резного орнамента на нем.

Особое место занимают иллюстрации, выполненные в цветной акварели к произведениям «Царь Димитрий Самопожертвователь», «Призрак», «Отшельник», «Рассказ нищего», «Отарова вдова», «Человек ли он?» Здесь исторически достоверно изображены жилища, утварь, одежда, оружие, украшения, типаж людей. Эти работы представляют собой подлинные шедевры акварельного искусства. Иллюстрации Гриневского к первому тому Сочинений И.Чавчавадзе Вахтанг Беридзе

назвал памятником неподвластным времени.

Время подтвердило правоту историка Иване Джавахишвили, председателя специальной комиссии, в 1912 году поручившей Гриневскому по его рекомендации оформление первого тома Сочинений И.Чавчавадзе.

Другой памятник, который оставил нам Гриневский, художественное оформление бывшего Дворянского банка, нынешней Парламентской библиотеки. Проект Дворянского банка состоял из двух частей - архитектурной части, принадлежавшей Анатолию Кальгину, и проекта внутреннего декоративного оформления Генрика Гриневского. Проект был представлен на конкурс, главное условие которого состояло в создании здания в грузинском стиле. Проект оказался лучшим и получил первую премию на конкурсе в Тбилиси в 1914 году.

Вахтанг Беридзе писал о своем учителе: «Именно независимое свободное мышление составляло ценность Гриневского. Можно без преувеличения сказать, что Банк, нынешняя Библиотека - являются современной интерпретацией наследия национальной архитектуры или, говоря современным языком, его творческим использованием и служит лучшим примером в Тбилиси. Это здание занимает почетное место в новой истории искусств Грузии и здесь вклад Гриневского очень значителен».

Росписи покрывают стены и потолки в залах, в вестибюле, на лестничной клетке, они украшают потолки

Г.Гриневский. Иллюстрация к поэме И.Чавчавадзе «Царь Димитрий Самопожертвователь»

Г.Гриневский. Венеция. Базар.

Г.Гриневский. Мать Грузия

лоджей со стороны центрального входа. Росписи представляют декоративные растительные мотивы. По эскизам Гриневского вытесаны рельефы на фасаде здания в исполнении Агладзе, известного мастера резьбы по камню. Несмотря на то, что в оформлении здания использованы декоративные мотивы разных памятников, Гриневскому удалось добиться цельности.

Гриневский как архитектор совместно с архитектором Анатолием Кальгиным в 1916 году принял участие в конкурсе на создание проекта Пантеона выдающихся деятелей Грузии. Проект этот получил первую премию.

В 1926 году Управление Закавказских железных до-

рог поручило Гриневскому оформить в грузинском стиле фасад нового здания Управления. Работа была выполнена, здание из розового туфа можно видеть и сегодня в Тбилиси, на улице Тевдоре Мгвдели.

В 1934 году совместно с архитектором А.Курдиани Гриневский работал над проектом стадиона «Динамо». Ему принадлежало художественное оформление. Проект был осуществлен, но в 60-е годы стадион был перестроен, расширен и увеличен.

Художник и архитектор, он был еще активным общественным деятелем. Был членом, а иногда возглавлял общественные организации, так в Обществе распространения грамотности читал лекции, стремился объяснить суть искусства и дать элементарную возможность его понимания, особенно понимания архитектуры. В Кустарном комитете сотрудничал с группой художников, стремившихся активизировать деятельность народных умельцев. Вначале указать путь, создать образцы помочь мастерам найти самостоятельную дорогу, будь то керамика, гончарное производство или создание ковров и паласов.

Без Гриневского не обходилось ни одно значительное мероприятие, связанное с культурой. Принимал участие в организации историко-этнографического музея, состоял членом комиссии по оценке музейных ценностей в Кавказском музее.

Заседание комиссии, рассматривавшей проект памятника Илье Чавчавадзе «Скорбящая Грузия» работы Я.Николадзе, проходило в его мастерской, он был членом этой комиссии вместе с И.Джавахишвили, А.Кальгиным, Г.Габашвили, О.Шмерлингом.

Оценка ценностей в музеях Боржоми, принадлежавших царской семье, проходила при его участии.

Гриневский был приглашен для работы в Художественной галерее как эксперт по классификации и оценке художественных произведений и реставрации картин. На основе Художественной галереи в дальнейшем был создан Государственный Музей искусств Грузии.

Гриневский создал ряд иллюстраций к стихам Акакия Церетели, отыскать их пока не удалось, существует

на Кавказе.

Как отмечалось, Гриневский был мастером акварельной живописи. Его кисти принадлежит ряд произведений, изображающих горные и морские пейзажи. Это – «Большой и Малый Арарат», «Горный пейзаж», «Маяк», «Парусники». Особого внимания заслуживает жанровая композиция «Венеция. Базар», единственная такого рода композиция, дошедшая до нас.

Кисти Гриневского принадлежат иконы, написанные им для иконостаса церкви Кашвети святого Георгия, находящейся в Тбилиси на проспекте Руставели.

Нельзя не отметить педагогическую деятельность Гриневского, преподававшего акварельную живопись, перспективу и архитектурное рисование в Академии художеств. Архитектурное рисование он преподавал также в Государственном университете на политехническом факультете, преобразованном в дальнейшем в Индустриальный, а затем в Политехнический институт. Он воспитал целую плеяду известных грузинских художников и архитекторов. Его студентами были В. Беридзе, Д.Цицишвили, Л.Сумбадзе, А.Курдиани, У.Джапаридзе, В.Джапаридзе.

Он был добрым, всегда старался помочь советом, вспоминает Этери Цицишвили, часто бывавшая в мастерской дизайнера Гриневского, где работала ее тетя Екатерина Вашакидзе. В своей книге «Дизайнерское проектирование в Грузии» (1997, Тбилиси), она впервые представила фотографии этой мастерской. «Гриневский был невысоким ростом, - вспоминает калбатони Этери, - кареглазый, носил мягкую фетровую шляпу и ходил с тростью». Вахтанг Беридзе писал: «Гриневский был энергичным, веселым, доброжелательным человеком».

Возможно ли восстановить память об этом безвинно погубленном человеке?

В 2005 году в одной из аудиторий Академии художеств при содействии посольства Польши мне удалось провести научную конференцию, посвященную памяти Гриневского.

Были приглашены докладчики – профессора, искусствоведы и художники.

Хочу с благодарностью вспомнить доклад доктора искусствоведения Мери Карбелашвили, сотрудника Института истории грузинского искусства. Ее доклад о Гриневском иллюстраторе Сочинений Ильи Чавчавадзе был прочитан на конференции. Эдуард Амбокадзе, профессор Академии художеств, еще в 90-е годы собрал материал о Гриневском, в основном о его деятельности иллюстратора. Лейла Наниташвили, филолог, в 1988 году опубликовала статью, посвященную художнику. В своей яркой, эмоциональной речи профессор Дмитрий Хахуташивили говорил о Гриневском, как о замечательном художнике и педагоге, заложившем краеугольный камень в фундамент Академии художеств.

Доцент Нино Заалишвили выступила с докладом «Гриневский – жертва репрессий». Доктор Анна Мгалоблишвили - о иконах в церкви Кашвети работы Гриневского.

Было решено увековечить память о замечательном художнике и педагоге, с этой целью установить мемориальную доску как дань заслугам педагога и основателя Академии на фасаде старого здания.

Будет ли мемориальная доска установлена? Вопрос без ответа. Как результат конференции стало издание в 2008 году отдельной книгой материалов о нем, первоначально задуманный сборник докладов превратился в монографию.

Эта статья – попытка в какой-то степени оживить ушедший в небытие образ замечательного художника, архитектора, педагога, общественного деятеля.

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

НАША СВЕТЛАЯ НАТЕЛЛА

Несколько дней назад, 15 июля 2009 года в Иране, под городам Казвином, при катастрофе самолета рейса Тегеран-Ереван погибла искусствовед, галерист, добрый, милый человек Нателла Никонова.

Не занимая официального поста аташе по культуре, она вместе с мужем, Нико Нахуцришвили, консулом Грузии в Иране, помогала всем, кто приезжал в страну с миссией искусства – реставраторам Тбилисской Академии художеств, устроителям выставки работ профессоров академии. Выполняя просьбу иранских коллег, привозила персидские куклы для передачи в тбилисский музей кукол. Купленные по ее собственной инициативе несколько грузинских кукол отправились в аналогичный иранский музей. Собиралась в скором времени устроить выставку работ современных грузинских художников.

Узнав в прошлом году о моем приглашении иранской стороной для участия в конференции, посвященной юбилею «Шахнаме» (о конференции сообщила сама же), радовалась, что в Тегеране ознакомятся с иллюстрациями грузинских художников XX века к поэме Фирдоуси. Расстроилась, узнав о моем страхе перед воздушными путешествиями.

Родилась Нателла в Тбилиси в 1950 году в семье Марии Гегечкори и Ильи Никонова. Окончила Петербургскую Академию художеств (1976). Всегда с благодарностью вспоминала своих учителей - замечательных искусствоведов Н.Никулина, В.Раздольского, Н.Пунина, Ц.Нессельштрауса. Ее дипломная работа была посвящена книжному творчеству Е.Лансере. Потом была работа в Худфонде, в Доме художника Тбилиси (1979-1996), Национальной галерее, в галерее Дж.Моулдерса «Тесандра», создание каталогов современных грузинских художников. Ее профессиональный глаз находил незаслуженно забытых художников прошлого. С легкой руки Нателлы после устроенной ею выставки возродился интерес к творчеству великолепного мастера В.Грица. Она же участвовала в 1997 году в организации прекрасной выставки «Русские художники Грузии», на которой были представлены работы многих замечательных мастеров.

Особенно плодотворна была ее работа в основанной совместно с Заирой Берелидзе галерее «Вернисаж». Оригинально задуманные экспозиции (выставка работ С.Валишевского из собрания Б.Маркевича, «Двое» в память Д.Шеварднадзе и К.Магалашвили и др.), снискали ей уважение коллег и любителей искусства. Несколько лет Нателла читала лекции по истории искусства в Тбилисском педагогическом институте имени А.С.Пушкина.

Была и большая любовь. Все радовались, видя ее счастье.

16 июля в церкви Св.Варвары на службу за упокой

ее души собрались друзья – художники, галеристы... Не верилось в реальность произошедшей трагедии, вспоминали ее оптимизм, доброту, умение смеяться от души.

Светлая, милая Нателла.

Странно говорить о друге в прошедшем времени.

Очень трудно с этим свыкнуться. В ушах звенит ее голос.

Нино ЗААЛИШВИЛИ

Я познакомилась с Нателлой много лет назад в Доме художника на проспекте Руставели. Непосредственная, веселая, иногда задиристая она часто прибегала в нашу творческую мастерскую графики делая впечатлениями от новых выставок или прочитанных книг. Внешне мягкая, она была принципиальна в профессиональных вопросах.

Много сделала для популяризации грузинского искусства. Особенно запомнилась наша совместная поездка в Германию, в Бад-Доберан. На этом известном курорте друг Нателлы и большая поклонница грузинского искусства Герда фон Хофф организовала Дни культуры Грузии. Нателла подготовила экспозицию, в которую вошли несколько моих работ, а также произведения проживающих в Германии грузинских художников В.Шенгелия и А.Рижинашвили. Она была душой этого события. Ее хватало на устройство экспозиции, пение грузинских песен, на танцы и даже на организацию праздника грузинской кухни. В Тегеране в этом году она устроила выставку моих работ из хранящейся у нее коллекции. У нее были обширные планы устройства и других выставок, встреч художников, но не успела...

Она навсегда запомнится мне, всем друзьям энергичной, радостной, доброй и очень красивой...

Нана ЧУРГУЛИЯ

Мы дружили. Часто встречались на вернисажах.

Г.Гриневский. Морской пейзаж

лишь плакат, изданный к юбилейным торжествам поэта.

Иллюстрации к альбому «Из истории Куринского полка» представляют собой небольшого размера работы, выполненные цветной гуашью. Здесь показаны сцены походной жизни, сражения, отдых в пути, боевые учения. Достоверно изображено оружие, одежда, амуниция XIX века. Видимо, какие-то внешние события помешали изданию этого альбома о полке, многие годы стоявшем

Нателла Никонова

ყაზბეგი

ტრადიციონალური და ხარისხი

С супругом Нико Нахуцишвили

подумала, значит она еще не приехала... А на другой день была страшная весть. Понимаю, какой ужас пережил провожавший ее муж, узнав через 16 минут после взлета, что Нателлы нет.

Лица МАМАЦАШВИЛИ

Я в шоке, трудно придти в себя... Мы вместе основали галерею «Вернисаж», несколько лет работали, радовались росту ее популярности, разрабатывали планы интересных, нестандартных выставок. В нашем вернисаже - галерея располагалась под площадью Республики - старались показать все многообразие современного грузинского искусства. Скептики недолго сомневались будут ли приходить сюда гости. У галереи было свое лицо, были свои художники. Вскоре образовался и свой круг посетителей из местных и иностранных любителей искусства.

В успехе многих художников была большая доля ее энергии и таланта, ее тонкого чувства прекрасного...

Заира БЕРЕЛИДЗЕ

Не могу поверить в гибель, все время стоит перед глазами ее лицо. Для меня она гардаицвала (грузины говорят об ушедших не умерли, а преобразились) ...

Многие годы мы дружили. И потом, как только возвращалась из Тегерана, сразу прибегала к нам на выставку... Много рассказывала о Иране. Восхищалась его древним искусством, хотела понять сложности современного состояния страны.

В церковь Св.Варвары на службу пришло много друзей. Они придут и в нашу галерею на выставку ее фотографий, на которых запечатлена Нателла - веселая и грустная, серьезная, смеющаяся и добрая. Будут любители искусства и на выставке работ «ее художников», посвященной памяти Нателлы.

Байя ЦИКОРИДЗЕ

Нана Чургулия и Нателла Никонова

Она всегда заражала позитивной энергией, добрым отношением к людям...

В эти трагические дни перед глазами стоит танцующая, веселая Нателла на традиционных приемах, устраиваемых 14 июля по случаю взятия Бастилии бывшим послом Франции в нашей стране госпожой Мирей Мюссо..

В этот раз, не видя Нателлу на приеме, я про себя

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «КАРТУ»